

Церковно-реформационное движение во время патриаршества Иосифа и его главные представители.

(Окончаніе).

Столичный кружок ревнителей благочестія. Особенности его возрѣній, задачъ и цѣлей, по сравненію съ провинціальными ревнителями. Важнѣйшіе извѣстные представители этого кружка. Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ членъ кружка ревнителей благочестія. Его семейное воспитаніе въ грекофильскихъ традиціяхъ. Алексѣй Михайловичъ, какъ убѣжденный грекофилъ и убѣжденный сторонникъ полнаго и тѣснаго единенія русской церкви съ тогдашнею вселенскою греческою. Политическіе мотивы его грекофильства. Рѣшеніе царя и Стефана Вонифатьевича произвести церковную реформу въ смыслѣ полнаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою. Предварительныя мѣры царя и Стефана Вонифатьевича, какія ими предпріяты, еще въ патриаршество Иосифа, для проведенія намѣченной ими церковной реформы: вызовъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ и начатое ими исправленіе церковныхъ книгъ съ греческихъ; заботы объ открытіи въ Москвѣ греческой школы; порученіе греческому назаретскому митрополиту Гавріилу произносить въ Москвѣ устные на современныя темы проповѣди; согласованіе нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ чиновъ съ тогдашними греческими, по указаніямъ іерусалимскаго патриарха Паисія; посылка на востокъ Арсенія Сухаиова для изученія на мѣстѣ греческихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ; обращеніе къ константинопольскому патриарху, какъ высшей церковной инстанціи, за рѣшеніемъ вопроса о единогласіи; приказъ царя на многолѣтіяхъ, вмѣстѣ съ московскимъ патриархомъ, помянуть и вселенскихъ греческихъ патриарховъ. Никонъ какъ членъ кружка ревнителей благочестія. Мѣры со стороны царя и Стефана Вонифатьевича привить Никону, какъ кандидату въ патриархи на мѣсто Иосифа, грекофильское направленіе и превращеніе Никона, благодаря этимъ мѣрамъ, изъ грекофоба въ грекофила, способнаго осуществить церковную реформу, ранѣе намѣченную царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ, какъ дѣятельный и вліятельный членъ кружка ревнителей. Его особенная расположенность къ кіевскимъ ученымъ инокамъ.

къ Кіевской школѣ и литературѣ; его расположенность къ грекамъ и къ русскимъ представителямъ разныхъ направленій. Его домъ, какъ сборный нейтральный пунктъ, для представителей всѣхъ направленій, гдѣ они свободно вступали между собою въ состязанія, о чемъ зналъ и государь. Анна Михайловна Ртищева, какъ дѣятельная сторонница церковной реформы, и бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, сочувствовавшій грекофиламъ.

Въ то время, какъ въ лицѣ провинціальныхъ ревнителей на сцену выступала старая Русь, выросшая и воспитавшаяся на Псалтыри, на житіяхъ святыхъ, на старыхъ московскихъ сборникахъ и ихъ содержаниемъ, прочно державшаяся всѣхъ дѣдовскихъ вѣрованій, обычаевъ и традицій, крѣпко вѣровавшая въ ихъ незыблемость и спасительность, крайне неподатливая на всякую новину, желавшая исправлять только распущенные народные нравы, дурные обычаи, и церковныя нестроенія, вызывавшіяся безпорядочною жизнію и дѣятельностію духовенства, и притомъ желавшая исправлять все это, такъ сказать, чисто домашними средствами, не сходя съ русской исторической почвы, неизмѣняя своей родной, завѣтной старинѣ;—другая группа кружка—ревнители столичные, верхи, смотрѣли на дѣло реформы иначе. Къ тѣмъ задачамъ и цѣлямъ, какія преслѣдовали провинціальные ревнители, они присоединяли еще и другія, для достиженія которыхъ уже требовалось совсѣмъ иное пониманіе дѣла, иныя средства и иные люди, ничего общаго съ провинціальными ревнителями неимѣющіе.

Отличительною чертою столичныхъ московскихъ ревнителей благочестія, сравнительно съ провинціальными, было то, что они, вопреки послѣднимъ, признавали несостоятельность старой русской жизни въ нѣкоторыхъ ея основахъ, именно: русскія церковныя книги они признавали сильно испорченными, и потому нуждающимися въ исправленіи по греческимъ подлинникамъ; а равно такъ же они признавали испорченными, нуждающимися въ исправленіи по образцу греческихъ, тѣ русскіе церковные обряды и чины, которыми русскіе порознились съ тогдашними греческими. Они признавали, что старое русское обученіе и образованіе, основанное на крайне одностороннемъ и случайномъ начетчествѣ, совершенно несостоятельно, и должно быть замѣнено устройствомъ въ Москвѣ правильной школы, съ помощію ученыхъ

грековъ и кievлянъ, которыхъ поэтому слѣдуетъ приглашать въ Москву и для обученія въ школахъ и для производства книжныхъ переводовъ и исправленій. Помимо устройства школы, недостатку образованности и знаній въ московскомъ обществѣ, они старались помочь усиленнымъ изданіемъ какъ имѣвшихся въ Москвѣ разныхъ учительныхъ и назидательныхъ книгъ, такъ особенно печатаніемъ въ Москвѣ разныхъ южно-русскихъ сочиненій. Но что особенно важно: столичные и провинціальныя ревнители благочестія самымъ рѣшительнымъ образомъ расходились между собою во взглядѣ на относительное достоинство русскаго и греческаго благочестія, на отношенія къ современнымъ грекамъ.

Если послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя многіе русскіе книжники, руководимые національнымъ самолюбіемъ и самовозвеличеніемъ, стали настойчиво заявлять ту мысль, что истинное благочестіе у грековъ стало пестро, наклонилось къ латинству, испроказилось махметовою прелестію, что высшее и совершеннѣйшее православіе теперь находится только у русскихъ, а вовсе не у грековъ, почему вѣрѣ и благочестію теперь слѣдуетъ учиться не русскимъ у грековъ, а наоборотъ—грекамъ у русскихъ; то у насъ несомнѣнно въ тоже самое время существовали и другіе взгляды, признававшіе грековъ по прежнему строго во всемъ православными, настаивавшими на необходимости всегдашняго тѣснаго единенія русской церкви съ вселенскою греческою. Она—греческая церковь, по этимъ воззрѣніямъ, никогда не утрачивала своего исконнаго православія, никогда ни въ чемъ не измѣняла своихъ древнихъ отеческихъ церковныхъ уставовъ и чиновъ, и никогда не теряла своего древняго права на руководительное значеніе въ церковныхъ дѣлахъ всего православнаго міра, а слѣдовательно, когда нужно, и въ дѣлахъ русской церкви. Если у насъ, подѣ вліяніемъ флорентійской уніи и паденія Константинополя, подѣ вліяніемъ факта политической самостоятельности и все болѣе разширявшагося и крѣпнувшаго московскаго царства, русская митрополія сдѣлана самостоятельною и независимою отъ константинопольскаго патріарха; то въ это же время у насъ существовала и другая довольно сильная и вліятельная партія, которая рѣшительное стояла за старину въ церковныхъ дѣлахъ т е. за прежнее подчиненіе московской

митрополии константинопольскому патриарху, и новый порядок считала уклонением от законной истинно православной нормы церковной жизни. Пафнутий Боровский, а так же и другие лица, не хотѣли признавать за митрополита святителя Иону, какъ поставленнаго безъ благословенія константинопольскаго патриарха. Если потомъ національная русская партія, съ Юсифомъ Волоцкимъ во главѣ, признала митрополита Иону святымъ, заявляла, что „русская земля нынѣ благочестіемъ всѣхъ одолѣ“ (слова „Просвѣтителя“), то представители противной Юсифу партіи: Нилъ Сорскій, Вассіанъ Косой, Курбскій, Максимъ грекъ и др. не хотѣли признавать за святыхъ тѣхъ вообще русскихъ, которые явились у насъ въ качествѣ святыхъ послѣ того, какъ русская митрополия освободилась отъ зависимости константинопольскаго патриарха. Партія Юсифлянъ взяла рѣшительный верхъ и сурово расправилась съ своими грекофильствующими противниками, но окончательно уничтожить основныя идеи этой партіи не могла, — онѣ сохранились въ русскомъ обществѣ и потомъ, только въ измѣненномъ видѣ: фактъ независимости русской церкви отъ константинопольскаго патриарха былъ признанъ, какъ законный, но въ тоже время признавалась и необходимость всегдашняго единенія русской церкви съ вселенскою греческою, какъ вполнѣ православною. Само наше правительство, побуждаемое между прочимъ и практическими потребностями, всегда держалось этихъ возрѣній на греческую церковь: оно поддерживало непрерывныя связи съ православнымъ востокомъ, щедрою милостынею патриаршимъ и архіерейскимъ каѳедрамъ и разнымъ монастырямъ оно усиленно стремилось поддержать тамъ православіе, радушно принимало у себя всѣхъ просителей милостыни съ востока, а нѣкоторыхъ изъ нихъ даже оставляло у себя на вѣчное житье. Съ другой стороны наше правительство, въ извѣстныхъ случаяхъ, само нуждалось въ православномъ востокѣ: такъ оно хлопотало, чтобы восточные патриархи признали царское вѣнчаніе Грознаго; по настояніямъ нашего правительства константинопольскій патриархъ ставитъ у насъ перваго московскаго патриарха, и наше правительство заботится, чтобы это ставленіе было формально и торжественно признано всею вселенскою греческою церковію. Послѣ Иерусалимскій патриархъ Теофанъ ставитъ у насъ въ патриархи Фила-

рета Никитича, благодаря чему наши связи съ греческою восточною церковію становятся еще тѣснѣе, пока наконецъ, въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича, не превращаются въ рѣшительное грекофильство, такъ рѣзко проявившееся потомъ въ церковной реформѣ Никона ¹⁾.

Главными представителями этого грекофильскаго направленія въ столичномъ кружкѣ ревнителей благочестія были, какъ мы уже видѣли: глава всего кружка Стефанъ Вонифатьевичъ, его духовный сынъ—самъ царь Алексѣй Михайловичъ, Никонъ, впослѣдствіи патріархъ, бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Ртищевъ, его сестра Анна, бояринъ Морозовъ и, вѣроятно, другія лица.

Къ кружку ревнителей благочестія принадлежалъ, (какъ мы сказали), самъ молодой государь, тишайшій и благочестивѣйшій Алексѣй Михайловичъ. Онъ сильно подчинился нравственно-религіозному вліянію своего уважаемаго духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича. Благодаря, между прочимъ, Стефану, изъ Алексѣя Михайловича вышелъ особый любитель церковныхъ службъ и знатокъ церковнаго устава, любитель почитать разныя благочестивыя и назидательныя книжки, человекъ лично очень благочестивый, великій церковникъ и ревнитель о водвореніи и распространеніи церковности и благочестія въ народѣ. Онъ до конца своей жизни близко къ сердцу принималъ всѣ церковные интересы, близко всегда стоялъ ко всей тогдашней церковной жизни, сердечно и горячо относился ко всѣмъ ея запросамъ и движеніямъ. Онъ вполне раздѣлялъ общія убѣжденія и стремленія кружка ревнителей благочестія, относился къ ихъ дѣятельности съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ, готовъ былъ оказать имъ содѣйствіе и поддержку въ ихъ стремленіи улучшить и поднять на большую высоту церковную жизнь, смягчить и облагородить грубые народные нравы и обычаи, въ которыхъ еще такъ много было языческаго. Благодаря Стефану Вонифатьевичу Алексѣй Михайловичъ познакомился съ нѣкоторыми провинціальными членами кружка ревнителей, вошелъ съ ними въ личныя сношенія. Такъ онъ и царица хорошо знали Неронова и нѣ-

1) Фактическій матеріалъ по этому вопросу достаточно изложенъ въ нашей книгѣ: Патр. Никонъ. стр. 23—39

рѣдко царь со всею семьею прїѣзжалъ въ Казанскій соборъ, чтобы слушать тамъ церковную службу, отправляемую Нероновымъ единогласно и особенно истово, слушать поученія, которыя Іоаннъ обязательно читалъ и толковалъ народу. Нероновъ являлся и въ царскій дворецъ, гдѣ учительный протопопъ всегда встрѣчалъ въ царской семьѣ радушный и благосклонный прїемъ. Благодаря Стефану царь лично познакомился и съ протопопомъ Аввакумомъ, который неразъ представлялся царю и царицѣ, былъ имъ хорошо извѣстенъ и они даже знали его дѣтей. Наконецъ царь познакомился и потомъ близко сошелся съ самымъ виднымъ членомъ кружка ревнителей—новоспасскимъ архимандритомъ Никономъ, котораго онъ особенно полюбилъ и, вмѣстѣ съ своимъ духовникомъ, предназначилъ въ преемники патриарху Іосифу. Такъ, благодаря протопопу Стефану Вонифатьевичу, между царемъ и болѣе видными представителями кружка ревнителей благочестія образовались личныя отношенія. Царю нравились эти строгіе, горячіе и неустанные ревнители, онъ чувствовалъ къ нимъ и ихъ дѣятельности большую симпатію и даже полюбилъ ихъ. Это давало ревнителямъ всегдашнюю возможность, особенно при посредствѣ Стефана, обращаться къ царю съ разными ходатайствами общественнаго характера, а царь охотно принималъ ихъ представленія и нѣкоторыя изъ нихъ заботился немедленно провести въ жизнь. Царь навсегда сохранилъ къ ревнителямъ, несмотря на совершенно измѣнившіяся потомъ обстоятельства, свое расположение, всегда старался примирить ихъ съ новымъ наступившимъ потомъ порядкомъ церковныхъ дѣлъ, старался щадить ихъ и, при случаѣ, даже защититъ отъ слишкомъ суровой и быстрой расправы съ ними Никона патриарха. Конечно съ согласія и одобренія царя Стефанъ Вонифатьевичъ всячески усиливался примирить Неронова съ патриархомъ Никономъ, и царь былъ очень доволенъ, когда Нероновъ пошелъ въ послѣдствіи на уступки и его примиреніе съ Никономъ состоялось. Царь потомъ употреблялъ много усилій склонить протопопа Аввакума примириться съ церковною реформою Никона, подчиниться голосу всей церкви, хотя эти усилія его и не имѣли успѣха.

Царь Алексѣй Михайловичъ воспитался въ грекофильскихъ традиціяхъ своей семьи. Его дѣдъ былъ ставленникомъ іеру-

салимскаго патріарха Теофана, которому поэтому Филаретъ Никитичъ всегда оказывалъ особую любовь, расположеніе и готовность исполнять всѣ его просьбы о помощи Святому Гробу, или о помощи тѣмъ лицамъ, которыхъ Теофанъ рекомендовалъ вниманію Московскаго патріарха. Крайняя не любовь Филарета Никитича къ латинству и южно-русской униі, побуждала его еще тѣснѣе примкнуть къ православному востоку, поддерживать съ нимъ непрерывныя тѣсныя связи и единеніе, вслѣдствіе чего онъ находился въ самыхъ живыхъ и дѣятельныхъ сношеніяхъ со всѣми восточными патріархами, имѣлъ съ ними постоянную переписку. Всѣ приходившіе въ Москву греки встрѣчали у него ласковый и радушный приѣмъ, нѣсколько греческихъ іерарховъ постоянно жили въ Москвѣ, пользовались особымъ расположеніемъ и покровительствомъ Филарета Никитича, и занимали при немъ вліятельное положеніе во всѣхъ дѣлахъ по сношеніямъ съ православнымъ востокомъ. Филаретъ Никитичъ сдѣлалъ нѣсколько церковныхъ исправленій, въ видахъ согласованія русскихъ церковныхъ чиновъ съ греческими; онъ попытался было устроить на своемъ патріаршемъ дворѣ греческую школу, заставлялъ дѣлать переводы съ греческихъ книгъ на русскій. Словомъ Филаретъ Никитичъ много содѣйствовалъ развитію и укрѣпленію у насъ идеи о необходимости тѣснаго постоянного единенія между русскою церковію и тогдашнею греческою ¹⁾.

¹⁾ Въ житіи преп. Діонисія, архимандрита Троице-Сергіева монастыря, говорится, что іерусалимскій патріархъ Теофанъ отправился въ Россію „наполняя всѣхъ мира и любви, о правой вѣрѣ и о дѣлахъ по евангелію Божію созидая, утверждая обои предѣлы т. е. великую Россію и малую Къ сему же соединяя укрѣпляя единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія, и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“. Мы не можемъ точно указать, по какому именно частному случаю Теофанъ счелъ необходимымъ убѣждать русскихъ „единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія, и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“, и что именно въ тогдашней русской церковной практикѣ онъ находилъ несогласнымъ съ старыми законами греческаго православія и другими уставами четырехъ патріаршествъ. Намъ извѣстны только два дѣйствія Теофана въ этомъ направленіи. Когда онъ, направляясь въ Москву, проѣзжалъ южную Русью, то нашелъ въ тамошней церкви такой обычай: „въ причащеніи святыхъ и животворящихъ таинъ трикратное подаваніе съ отдѣленіемъ именъ Божіихъ Отець, Сынъ и Св. Духъ чп-

Вполнѣ естественно было, что по тому же пути, по которому шелъ въ своихъ сношеніяхъ съ православнымъ восто-

слевіемъ“ Теофанъ осудилъ этотъ обычай, какъ чуждый православной церкви и неблагочестивый (Арх Юг.-зап Россіи, т. V, стр. 7). Но тотъ же самый обычай Теофанъ нашель и въ Москвѣ, почему онъ и обратился къ Филарету Никитичу и государю, чтобы они уничтожилъ этотъ обычай, замѣнивъ его единократнымъ подаваніемъ святыхъ даровъ, какъ это дѣлается согласно у четырехъ патріарховъ Настоянія Теофана имѣли успѣхъ: „тамошній московскій архіепископъ, говоритъ онъ въ окружной грамотѣ къ южно-руссамъ, за благочестивымъ царемъ тотъ трикратный обычай покинуть обѣщались“ (Рукоп сборн. библи. Моск Румян. Музея № 712, лл 204 об,—206). Другой случай—это извѣстное уничтоженіе изъ Потребника прилога слова *и огнемъ* въ молитвѣ на освященіе воды въ Богоявленіе, возбудившее у насъ горячіе споры, которые были прекращены вмѣшательствомъ Теофана, признавашаго слово *и огнемъ* незаконнымъ прилогомъ, котораго вѣтъ въ старыхъ греческихъ Потребникахъ. Вѣроятно патріархъ Теофанъ обращалъ вниманіе Филарета Никитича и на другія какія либо церковныя особенности Московской Руси и настаивалъ на согласованіи ихъ съ греческимъ тогдашнимъ церковнымъ чиномъ и обрядомъ, чтобы „древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“. По крайней мѣрѣ Филаретъ Никитичъ, въ одной изъ своихъ грамотъ Теофану (въ 1625 году), писалъ: „да ваше святительство писалъ къ намъ и прислалъ переводы съ греческихъ древнихъ Потребниковъ о освященіи богоявленскіе воды и о прилогѣ огня и о *иныхъ духовныхъ дѣлехъ*, о которыхъ мы, по совѣту сына нашего государя и великаго князя Михаила Феодоровича, всеа Русіи самодержца, *совѣтовали съ тобою*, какъ еси былъ у насъ на Москвѣ, и мы то приняли вашего святительства любительно и о прилогѣ исправили и утвердили *по вашему совѣту* во вѣки неподвижно“ (Большой москов архивъ мив иностран. дѣлъ, Греческія дѣла, 7133 г. № 5) Очевидно, что уже Филаретъ Никитичъ, подъ влияніемъ совѣтовъ и убѣжденій Теофана, производилъ частичное согласованіе русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими. Очевъ характерно сказалось отношеніе патріарха Теофана къ тогдашнимъ русскимъ церковнымъ событіямъ въ дѣлѣ преп. Діонисія архимандрита, такъ жестоко было пострадавшаго за свои книжныя исправленія Преп. Діонисій былъ горячимъ убѣжденнымъ почитателемъ преп. Максима Грека, вполнѣ понималъ и одобрялъ произведенныя послѣднимъ у насъ книжныя исправленія и переводы съ греческаго, самъ ими пользовался, заботился объ ихъ распространеніи, и, при исправленіи цмъ Потребника, произведеннаго по порученію царя, самъ справлялся въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ греческими книгами, и такимъ образомъ онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ тогда у насъ грекофиламъ, почему, какъ справщикъ, и обвиненъ былъ въ порчѣ русскихъ церковныхъ книгъ, и подвергся несправедливымъ жестокимъ преслѣдованіямъ Патріархъ Теофанъ, познакомившись въ Москвѣ съ этимъ дѣломъ, энергично вступился за преп Діонисія, постарался добиться оправданія не только его лично, но и призванія

комъ Филаретъ Никитичъ, пошелъ и его внукъ—царь Алексѣй Михайловичъ, только онъ еще шире, чѣмъ его дѣдъ,

правоты совершенныхъ книжныхъ исправленій, чего вполне и достигъ, благодаря воздѣйствию на своего ставленника Филарета Никитича. Но этого мало. Прибывъ въ Троице-Сергіевъ монастырь, Теофанъ особеннымъ образомъ выразилъ свое чрезвычайное уваженіе и расположеніе къ преп. Діонисію, имени: онъ торжественно, съ особою церемоніею, возложилъ, при мощахъ преп. Сергія, свой патріаршій клобукъ на главу преп. Діонисія. Конечно патріархъ Теофанъ все это дѣлалъ даромъ. Онъ видѣлъ въ преп. Діонисіи сторонника и почитателя грековъ, энергичнаго представителя въ русскомъ обществѣ того направленія, которое заявляло, что не греческое провѣряется русскимъ, а наоборотъ—русское греческимъ. Поддержать и укрѣпить это слабое еще тогда направленіе среди большинства русскихъ Теофанъ, какъ грекъ, считалъ своею прямою непременною обязанностію. Недаромъ конечно в современныя событія составитель житія преп. Діонисія замѣчаетъ о патріархѣ Теофанѣ: „дивный патріархъ Теофанъ учинилъ многи сыны православныя греческія книги писать и глаголатъ, и философию греческихъ книгъ до конца научилъ и дѣдать“. Конечно это замѣчаніе біографа преп. Діонисія о характерѣ дѣятельности патріарха Теофана на Руси болѣе относится къ южной Руси, но могло имѣть отношеніе и къ Русн московской, гдѣ Теофанъ, очевидно, всячески заботился поднять и укрѣпить греческій авторитетъ вообще. И это ему въ значительной степени удалось. Филаретъ Никитичъ, будучи самъ ставленникомъ Теофана, окружилъ себя въ Москвѣ разными выѣзжими греческими іерархами, всегда покровительствовалъ имъ и поддерживалъ ихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался къ ихъ совѣтамъ и указаніямъ, какъ людямъ образованнымъ и свѣдущимъ. Такъ ахридскій архіепископъ Нектарій, выѣхавшій въ Москву еще въ 1613 году, и сдѣлавшійся у насъ епархіальнымъ вологодскимъ архіереємъ, былъ лишенъ каедръ мѣсгоблюстителемъ патріаршаго престола митрополитомъ Іоною. Сдѣлавшись патріархомъ, Филаретъ Никитичъ пересмотрѣлъ дѣло о Нектаріи, вачелъ дѣйствія Іоны неправильными, и возстановилъ грека Нектарія на его прежней вологодской каедрѣ въ качествѣ русскаго епархіальнаго архіерея. Въ 1628 году пріѣхалъ въ Москву и остался въ ней на житье при патріархѣ вверійскій митрополитъ Аверкій, пользовавшійся въ началѣ особымъ расположеніемъ и довѣріемъ Филарета Никитича; въ 1629 году пріѣхалъ въ Москву и остался въ ней жить селунскій митрополитъ Паисій, въ 1630 году севастіяскій Іосифъ и въ томъ же году еще пріѣхали и жили въ Москвѣ митрополиты: зихновскій Неофитъ и имбрійскій Аѳанасій. Въ Москвѣ же жилъ, и назывался архангельскимъ, ранѣе прибывшій въ Москву съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, эласовскій архіепископъ Арсевій. Оставались въ Москвѣ и жили здѣсь и другіе выходцы греки: архимандриты, іеромонахи и старцы. Такъ, напримѣръ, іерусалимскій патріархъ Теофанъ, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ здѣсь, на вѣчное житье, своего старца Іоанникія, чтобы имѣть въ немъ преданнаго агента при московскомъ дворѣ, который бы служилъ

понял самую идею о необходимости полного единения русской церкви с тогдашнею греческою, и энергичное всестороннее проведение ее в жизнь стал считать одною из главных и насущнейших задач своего царствования. На

в Москвѣ представителемъ, истолкователемъ и вліятельнымъ поборникомъ интересовъ іерусалимскаго патріарха. Іоанникій сдѣлался въ Москвѣ келаремъ Новоспасскаго монастыря и пользовался особымъ расположеніемъ Филарета Никитича. Между прочимъ сохранилась „сказка Новоспасскаго монастыря келаря Іоанникія“ о монастыряхъ, имѣющихся въ Царьградѣ, Іерусалимѣ и во всей греческой землѣ, писанная имъ по просьбѣ Филарета Никитича. Когда персидскій шахъ прислалъ въ даръ царю Михаилу Ѳеодоровичу ризу Господню, въ Москвѣ остереглись сразу повѣрить въ подлинность этой ризы и, между прочимъ, обратились за справками къ келарю Іоанникію; не знаетъ-ли онъ чего про „Христову срачицу“ и про иныя святыни: гдѣ онъ и въ какомъ государствѣ, не слыхалъ-ли онъ чего объ этомъ въ Греціи, когда былъ тамъ? (Наша книга: Характеръ отношеній Россіи къ прав. востоку, стр. 171). Вообще при патріаршемъ дворѣ Филарета Никитича постоянно толпилось много греческихъ архіереевъ, которые, пользуясь своими архіерейскими правами, участвовали во всѣхъ церковныхъ службахъ на ряду съ русскими іерархами и даже присутствовали на приѣмахъ иностранцевъ патріархомъ. Тяготѣніе къ грекамъ Филарета Никитича было такъ велико, что онъ, нуждаясь въ образованныхъ и свѣдущихъ людяхъ, хорошо знающихъ греческій языкъ, рѣшилъ просить въ 1632 году тогдашняго константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса прислать на востокъ и прислать въ Москву подходящаго православнаго учителя, который бы основалъ въ Москвѣ греческую школу и былъ бы способенъ переводить книги съ греческаго языка на русскій. И когда въ томъ же 1632 году въ Москву пріѣхалъ протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, ранѣе вѣскольکو лѣтъ жившій въ южной Россіи и изучившій здѣсь русскій языкъ, онъ, по просьбѣ Филарета Никитича и государя, остался въ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы „служити... духовными дѣлами: переводити ему греческія книги на славянскій языкъ и учити на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотъ; да ему жъ переводити съ греческаго языка на славянскій на латинскія ереси“. Училъ ли дѣйствительно протосингелъ Іосифъ въ Москвѣ малыхъ ребятъ по гречески, мы не знаемъ, но книги съ греческаго языка на славянскій онъ переводилъ. Къ сожалѣнію уже въ слѣдующемъ, 1633 году, умеръ Филаретъ Никитичъ и въ томъ же, или въ слѣдующемъ, году умеръ и протосингелъ Іосифъ и дѣло объ устройствѣ въ Москвѣ греческой школы остановилось (Характеръ отношеній... стр. 482—483)

Такимъ образомъ Филаретъ Никитичъ, въ своей церковной политикѣ, держался аснаго, опредѣленнаго грекофильскаго направленія, желалъ и дѣломъ стремился осуществлять идею постояннаго тѣснаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою, такъ что при немъ грекофильское направленіе при московскомъ дворѣ значительно окрѣпло и усилилось

этомъ пути онъ встрѣтилъ себѣ полную поддержку и одобреніе со стороны своего уважаемаго духовника протопопа Стефана Вонифатьевича, благодаря чему изъ царя Алексѣя Михайловича и выработался вполне сознательный, убѣжденный и очень энергичный церковный дѣятель грекофилъ, какимъ онъ и остался до конца своей жизни. Извѣстный Павелъ Алепскій въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ замѣчаетъ: „нынѣшній благополучный царь и новый патріархъ Никонъ очень любятъ греческіе обряды и имѣютъ большую склонность къ разсужденіямъ и къ ученію христіанскому, *въ особенности царь*“. Тотъ же Павелъ Алепскій передаетъ, что за однимъ обѣдомъ царь, разговаривая чрезъ переводчика съ антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, „просилъ (Макарія) молиться за него Богу, какъ .Василій Великій молился за Ефрема Сирина, и тотъ сталъ понимать по гречески: *чтобы и царю также уразумѣть этотъ языкъ*“¹⁾. Какъ именно Алексѣй Михайловичъ самъ себѣ представлялъ свои грекофильскія церковныя стремленія и въ какую реальную форму должны были, по его мнѣнію, отливаться эти стремленія, это онъ съ особенною ясностію выразилъ въ послѣдствіи, въ своихъ грамотахъ къ восточнымъ патріархамъ, въ которыхъ онъ приглашалъ ихъ въ Москву для суда надъ Никономъ и для приведенія въ порядокъ русскихъ церковныхъ дѣлъ. Такъ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Паисію онъ пишетъ: „мы нынѣ отъ зѣлнаго раченія нашего — потщавшеся обновити и подутвердити союзъ церковнаго общаго нашего мира—тоя единныя православныя вѣры, да будетъ между вами же и нами яко же прежде сице и нынѣ и потомъ непремѣнно до кончины вѣка,—пишемъ и молимъ тя извѣститесь опасно хотяще.... быти намъ съ вами желаемъ едино, якоже глаголетъ самая истина Христось, моля Отца своего о хотящихъ вѣровати: да будутъ едино, якоже и мы едино есмы“. И въ заключеніе пишетъ: „Господь же мира и утѣшенія, иже разстоящая совокупляя въ едино и тойжде соединеніе вѣры да дастъ благодать пребывати единомыслию церквей своихъ, сущихъ во предѣлѣхъ нашихъ и вашихъ, даже до скончанія вѣка нерушиму¹⁾ съ вами во исправленіе

¹⁾ Путешествіе ант п. Макарія въ Россію описанное Павломъ Алепскимъ, перев. Муркоса, выпускъ второй, стр 153; выпускъ четвертый, стр. 111.

и преспѣяніе и рашеніе въ лучшая намъ“. Въ грамотѣ къ александрійскому патріарху Паисію царь заявляетъ: „во всѣхъ благочестія догматѣхъ согласоватися съ вами хотяще... Отець присносущный и Богъ... да преподасть святыи свой мирь, соединеніе и единомысліе святымъ своимъ церквамъ“. Въ грамотѣ бывшему константинопольскому патріарху Паисію царь пишетъ, что приглашаетъ Паисія въ Москву, чтобы „церквей нашихъ единомыслію не отторгнути Христа и васъ“. Въ грамотѣ къ антиохійскому патріарху Макарію царь заявляетъ, что обязанность царя не о царскомъ только пещися, но самое главное: „еже есть общій мирь церквамъ и здраву вѣру крѣпко соблюдать и хранити намъ; егда бо сія въ насъ въ цѣлости и снабдятся, тогда намъ вся благая строенія отъ Бога бываютъ: мирь и умноженіе плодовъ и враговъ одолѣніе, и прочіи вещи вся добрѣ устроятися имутъ“. Проситъ Макарія пріѣхать въ Москву „да общій мирь церквей отъ сего извѣстится, иже толико есть потребенъ, въ православіи сущимъ, елика и дыхати намъ воздуха, присно бо желаемъ соблюдать единеніе вѣры нашея и быти всегда соединени съ вами во единомъ дусѣ и въ союзѣ мира, яко же и звани быхомъ во единомъ упованіи званія нашего“¹⁾. Очевидно царь Алексѣй Михайловичъ попеченіе о вѣрѣ и церкви считалъ одною изъ первыхъ и самымъ отвѣтственными своихъ царскихъ обязанностей: Богъ взыщетъ именно съ него, какъ главнаго отвѣтственнаго лица, за нерадѣніе въ дѣлахъ церковныхъ, да и само царство его пострадаетъ, если онъ допуститъ какое либо нестроеніе церковное. Самое же попеченіе о церкви должно было выражаться, по его представленію, преимущественно въ поддержаніи полнаго единства между всѣми православными церквами и, въ частности, между русскою церковію и вселенскою греческою, въ устраненіи изъ русской церковной практики всего, что препятствовало и въ будущемъ можетъ препятствовать полному единенію русской церкви съ греческою. Вся послѣдующая церковная реформа Никона была поэтому, въ глазахъ Алексѣя Михайловича, только простымъ, необходимымъ и прямо обязательнымъ для него—царя актомъ, устрояющимъ полное единеніе русской церкви съ греческою и другими

¹⁾ Гиббенеть: Дѣло п. Никона, т. II, стр 562—578.

православными церквами, къ чему онъ, какъ православный царь, всегда дѣятельно обязанъ былъ стремиться. А эта обязанность, въ свою очередь, покоилась на томъ его представленіи объ отношеніи русскаго царя къ вселенскому православію, по которому русскій царь есть единственный теперь въ цѣломъ мірѣ представитель, опора и охранитель всего вселенскаго православія, наслѣдникъ и продолжатель дѣла великихъ и благочестивыхъ древнихъ греческихъ царей. Эти идеи объ исключительномъ призваніи русскаго царя въ православномъ мірѣ, которыя на всѣ лады проводили въ своихъ грамотахъ всѣ восточные іерархи, были вполне усвоены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и онъ непрочь былъ въ своемъ лицѣ воскресить образъ древнихъ греческихъ императоровъ. Въ грамотѣ къ аеонитамъ, отъ 11 января 1666 года, царь проситъ ихъ прислать въ Москву „изъ святогорскихъ монастырей грековъ, добрыхъ и ученыхъ людей, которые-бъ знали эллинское и словенское ученіе, трехъ человѣкъ иноковъ... Да въ святогорскихъ же монастырехъ сыскати бѣ Судебникъ да Чинovníкъ всему царскому чину прежнихъ благочестивыхъ греческихъ царей печатной; а сыскавъ тѣхъ ученыхъ людей и книги, прислать къ намъ, великому государю, незамотчавъ“ ¹⁾. Изъ этого видно, что Алексѣй Михайловичъ дѣйствительно хотѣлъ быть возможно точною копіею старыхъ благочестивыхъ греческихъ царей, и ради этого, стремился имѣть у себя ихъ Судебникъ и Чинovníкъ „всему ихъ царскому чину“, конечно съ прямою цѣлію, чтобы всѣмъ своимъ поведеніемъ и придворнымъ чиномъ воочію явиться преемникомъ старыхъ благочестивыхъ греческихъ царей.

Съ другой стороны несомнѣнно и то, что въ церковныхъ грекофильскихъ стремленіяхъ царя Алексѣя Михайловича не послѣднюю роль играли и политическіе мотивы, такъ какъ Алексѣй Михайловичъ считалъ себя преемникомъ древнихъ благочестивыхъ греческихъ императоровъ не только въ дѣлахъ вѣры и благочестія, но и законнымъ наслѣдникомъ ихъ царства, вѣрилъ, что ему, или его преемникамъ, дѣйствительно суждено въ будущемъ владѣть самымъ Константинополемъ и всѣми православными народами, томящимися

¹⁾ Ibid стр 883, 885—887

подъ турецкимъ игомъ. Конечно Алексѣй Михайловичъ съ особымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушалъ, когда прѣзжавшій въ Москву, въ 1649 году, іерусалимскій патріархъ Паисій, въ своей привѣтственной рѣчи, на первой аудіенціи у государя, торжественно, въ слухъ всѣхъ говорилъ между прочимъ и слѣдующее: „Пресвятая Троица—Отець, Сынъ и Св. Духъ, едино царство и господство, благословить державное ваше царствіе, да умножить васъ превыше всѣхъ царей, и покажетъ васъ побѣдителемъ и одолѣтелемъ на сопротивныхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, якоже и древнихъ и новыхъ царей: царя Давида, царя Езекиа и великаго царя Константина; да утвердитъ васъ и умножить лѣта во глубинѣ старости, *благополучно сподобитъ васъ воспріяти вамъ превысочайшій престолъ великаго царя Константина, прадыда вашего, да освободитъ народъ благочестивыхъ и православныхъ христіанъ отъ нечестивыхъ рукъ, отъ лютыхъ зѣбрей, что похваютъ немилостиво; да будещи новый Моисей, да освободиши насъ отъ плѣненія, якоже онъ освободилъ сыновъ израилевыхъ отъ фараонскихъ рукъ жезломъ—знаменіемъ честнаго животворящаго креста*“¹⁾. Точно такъ же съ большимъ удовольствіемъ, вѣроятно, Алексѣй Михайловичъ читалъ въ челобитной бывшаго константинопольскаго патріарха Аѳанасія Пателара, прѣзжавшаго въ Москву въ 1653 году, что поработенные турками греки имѣютъ въ русскомъ царѣ „столпъ твердый и утвержденіе вѣрѣ и помощника въ бѣдахъ и прибѣжище намъ и освобожденіе... А брату, государь, моему и сослужителю, великому господину, святѣйшему Никону патріарху московскому и всеа Руси, *освящати соборную апостольскую церковь Софью премудрость Божию*“²⁾. Съ своей стороны и Никонъ, при своемъ поставленіи въ патріархи, на привѣтственную рѣчь царя, говорилъ ему, что онъ—Никонъ желаетъ государю, чтобы Богъ распространилъ его царство „отъ моря и до моря, и отъ рекъ до конца вселенныя, и *расточенная во благочестивое твое царство возвратитъ и соберетъ во едино и на первообразное и радостное возведетъ, во еже быти ти на вселеннѣй царю и самодержцу христіанскому.* и возсіати

¹⁾ Наша книга: Сношенія іерус. патріарховъ съ рус. правительствомъ. т. I. 137. Изд. Палестинскаго общества, вып. 43.

²⁾ Чтен. общ. люб. духовн. просв. 1889 г., наша статья: прѣздъ бывшаго конст. п. Аѳанасія въ Москву стр. 363.

яко солнцу посреди звѣздъ“ 1). Понятно, что Никонъ такъ говорилъ хорошо зная, что молодой царь смотритъ на себя, какъ на призваннаго объединить въ своей благочестивой державѣ всѣ расточенные православныя народы, страждущіе подъ игомъ невѣрныхъ.

Что политическіе мотивы играли извѣстную роль въ греко-фильскихъ стремленіяхъ и настроеніяхъ царя, что ему не чужда была мысль сдѣлаться освободителемъ православныхъ народностей изъ подъ турецкаго ига и овладѣть, какъ своимъ наслѣдіемъ, Константинополемъ, что церковное единеніе онъ считалъ первою и необходимою ступенью будущаго политическаго единенія, на это есть нѣкоторыя указанія у Павла Алепскаго. Со словъ одного боярина Павелъ рассказываетъ, что будто-бы, когда царь окончательно отпустилъ изъ Москвы антиохійскаго патріарха Макарія, то, обращаясь къ окружающимъ его боярамъ, онъ „вздохнулъ и сказалъ: молю Бога, прежде чѣмъ умру, видѣть его (п. Макарія) въ числѣ четырехъ патріарховъ служащимъ во святой Софіи и нашего патріарха пятымъ вмѣстѣ съ ними. И всѣ присутствующіе отвѣтили: да услышитъ Господь“. Тотъ же Алепскій передаетъ и слѣдующій слышанный имъ рассказъ: въ первый день Пасхи греческіе купцы, проживавшіе тогда въ Москвѣ, вмѣстѣ съ вельможами явились къ царю съ поздравленіями. Государь одѣлилъ грековъ по два яйца и, подзвавъ ихъ къ себѣ поближе, говорилъ имъ: „хотите ли и желаете ли, чтобы я освободилъ васъ и избавилъ отъ неволи? Они поклонились ему и отвѣчали: какъ намъ не хотѣть этого? и выразили ему подобающія благожеланія. Онъ продолжалъ: когда вернетесь въ свою страну, просите своихъ архіереевъ, священниковъ и монаховъ молиться за меня и просить Бога, ибо по ихъ молитвамъ мой мечъ сможетъ разсѣчь выю моихъ враговъ. Потомъ, проливая обильныя слезы, онъ сказалъ вельможамъ своего царства: мое сердце сокрушается о порабощеніи этихъ бѣдныхъ людей, которые находятся во власти враговъ вѣры. Богъ—да будетъ прославлено имя Его! — взыщеть съ меня за нихъ въ день суда, ибо, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегаю этимъ, и прибавилъ: не знаю, какъ долго будетъ продолжаться это

1) Гиббенетъ, I, 15

дурное состояніе дѣлъ, но со временъ моихъ дѣдовъ и отцовъ къ намъ не перестаютъ приходить патріархи, архіереи, монахи и бѣдняки, стѣная отъ обидъ, злобы и притѣсненій своихъ поработителей, и всѣ они являются къ намъ не иначе, какъ гонимые великой нуждой и жестокими утѣсненіями. Посему я боюсь, что Всевышній взыщетъ съ меня за нихъ, и я принялъ на себя обязательство, что, если Богу будетъ угодно, я принесу въ жертву свое войско, казну и даже кровь свою для ихъ избавленія. Они отвѣчали ему: да дастъ тебѣ Господь по желанію сердца твоего!¹⁾ Говорилъ-ли дѣйствительно Алексѣй Михайловичъ тѣ слова греческимъ купцамъ, которыя передаетъ намъ Павелъ Алепскій, мы не знаемъ. Но отрицать, что Алексѣй Михайловичъ дѣйствительно считалъ себя преемникомъ старыхъ благочестивыхъ греческихъ царей и наслѣдникомъ ихъ царства, что онъ за себя, и своихъ преемниковъ на русскомъ престолѣ, могъ мечтать объ освобожденіи всѣхъ православныхъ народовъ отъ турецкаго ига, мы не имѣемъ основаній. Тѣмъ болѣе, что и въ представленіи другихъ, болѣе образованныхъ тогдашнихъ русскихъ, идея полного всецѣлаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою сливалась съ идеею о политическомъ объединеніи подъ главенствомъ русскаго царя всѣхъ православныхъ народностей, томящихся въ турецкой неволѣ. Такъ извѣстный грекофилъ и борецъ съ западникомъ Медвѣдевымъ старецъ Евѣимій, въ доказательство необходимости тѣснаго единенія русской церкви съ четырьмя восточными греческими патріархами, писалъ, что русскіе должны быть „согласны во всемъ и купночинны съ восточною святою церковію и со святѣйшими, равночисленными св. евангелистамъ, патріархи“, что тогда „и святѣйшіе патріархи подадутъ вящшее благословеніе и молитву о благосостояніи всероссійскаго царствія, и народи вси окружнии, сущии православія восточнаго, Богу возблагодарятъ и царскому величеству приклонятся, т. е. Евѣимій утверждаетъ, что на почвѣ церковнаго объединенія всѣхъ православныхъ народовъ, можетъ произойти потомъ и ихъ политическое объединеніе подъ главенствомъ православнаго русскаго царя.

¹⁾ Путеш. ант. п. Макарія, Муркоса, выпускъ четвертый, стр. 156—170—171.

Царь Алексѣй Михайловичъ до конца остался вѣренъ своимъ грекофильскимъ убѣжденіямъ, до конца настойчиво старался провести ихъ въ жизнь, осуществить на дѣлѣ. Царю Алексѣю Михайловичу главнымъ образомъ церковная реформа обязана своимъ началомъ, своимъ проведеніемъ при Никонѣ и своимъ окончательнымъ признаніемъ голосомъ всей русской церкви послѣ удаленія Никона. Никонъ—реформаторъ былъ собственно созданиемъ царя и Стефана Вонифатьевича, онъ — Никонъ энергично дѣйствовалъ и проводилъ реформу только пока живъ былъ Стефанъ Вонифатьевичъ и пока онъ сохранялъ тѣсную связь съ царемъ. Какъ же скоро Стефанъ Вонифатьевичъ умеръ, а самъ Никонъ не сумѣлъ поддержать свои прежнія близкія отношенія къ царю, его грекофильство и его прежній напряженный интересъ къ произведенной имъ церковной реформѣ сильно охладѣли и замѣнились равнодушіемъ. Послѣ удаленія съ патриаршей кафедры Никона, все дѣло поддержанія церковной реформы пришлось вести одному царю, и Алексѣй Михайловичъ дѣйствительно умѣло и искусно довелъ его до конца: онъ создалъ новыхъ преданныхъ реформѣ дѣятелей—Павла, Иларіона, Іоакима, которые и дѣйствовали въ его духѣ и по его указаніямъ, такъ что только благодаря исключительно его усиліямъ и умѣнью церковная реформа Никона, не смотря на все противодѣйствіе ей со стороны большинства тогдашняго общества, была торжественно и окончательно принята всею нашею церковію.

Рѣшивъ привести русскую церковь къ полному единенію съ тогдашнею греческою церковію, и ради этого совершить провѣрку нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ съ греческими подлинниками, нашу церковно-обрядовую тогдашнюю практику объединить съ современною греческою, царь Алексѣй Михайловичъ и его духовникъ Стефанъ Вонифатьевичъ постарались подготовить почву и средства для задуманной ими церковной реформы, которую потомъ суждено было приводить въ исполненіе Никону. Еще въ 1648 году государь послалъ въ Кіевъ въ Печерскій монастырь инока Марка „доголюбезнаго епископа Зосима“, котораго просилъ прислать въ Москву Дамаскина Птицкаго „для своего государева дѣла“, но въ то время „послати того старца невозможно было для монастырскія потребы“. Тогда въ маѣ 1649 г.

государь снова обратился уже къ кievскому митрополиту и къ властямъ кievскаго братскаго монастыря, чтобы присланы были въ Москву старцы—Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій, такъ какъ государю „вѣдомо учинилось, что они божественнаго писанія вѣдуци и эллинскому языку навичны, и съ эллинскаго языка на славянскую рѣчь перевести умѣютъ, и латинскую рѣчь достаточно знаютъ, а нашему царскому величеству такіе люди годны“, почему царь и просить митрополита прислать „тѣхъ учителей“ „для справки библїи греческіе на словенскую рѣчь, на время намъ великому государю послужити“. Благодаря этой грамотѣ государя, 12 іюля того же 1649 года, въ Москву прибыли изъ Кіева старцы, книжные переводчики: Арсеній Сатановскій и Епифаній Славенецкій, поселившіеся сначала на большомъ посольскомъ дворѣ, а потомъ въ Чудовъ монастырѣ. Въ слѣдующемъ 1650 году въ Москву прибылъ и третій переводчикъ кievлянинъ Дамаскинъ Птицкій. ¹⁾ Значить, кievскіе ученые старцы вызывались въ Москву специально для перевода на славянскій языкъ греческихъ и латинскихъ книгъ вообще и частнѣе: „для справки библїи греческіе на словенскую рѣчь“; вызывались они потому, что „еллинскому языку навичны и съ эллинскаго языку на словенскую рѣчь перевести умѣютъ и латинскую рѣчь достаточно знаютъ“. И дѣйствительно, съ прїѣздомъ въ Москву ученыхъ кievлянъ у насъ сразу книжная справка была поставлена на новыхъ началахъ: стали справляться не только съ древними славянскими рукописями, но и съ греческими и южно-русскими изданіями. Такъ въ послѣсловіи къ извѣстной Іосифовской Кормчей, которая начата печатаніемъ по повелѣнію государя, по совѣту и благословенію патріарха Іосифа въ 1649 году 7-го ноября, говорится: „буди вамъ, христоименитому достоянію, всѣмъ извѣстно: яко да союзъ мира церковнаго твердо. въ душѣ кротости хранится и да не будетъ, несогласія ради. распри въ церковномъ тѣлеси, сего ради, многія переводы сія святыя книги, Кормчїи, ко свидѣтельству типографскаго дѣла, собрани быша; въ нихъ же едина паче прочихъ, въ сумнихъ правилахъ крѣпчайши, *наипаче же свидѣтельствава*

1) Большой моск архивъ мин иностр дѣлъ. Дѣла Малороссійскія св 4. № 8

ту книгу греческая *Кормчая книга*, Паисіи патріарха святаго града Іерусалима, яже древними писцы паписася за многія лѣта, ему же, патріарху Паисіи, въ та времена бывшу въ царствующемъ градѣ Москвѣ¹⁾ Въ послѣсловіи къ Шестодневу 1650 года говорится: „подобаетъ вѣдати, яко же въ книгѣ сей указы о ипокояхъ, на повечерняхъ по трисвятомъ, и на полунощницахъ по трисвятомъ же, и по шестой пѣсни, вмѣсто воскресныхъ кондакъ, указаны наряду кондакъ—заступнице христіаномъ, отложить подобаетъ. Глаголати же вмѣсто того и на повечерняхъ и на полунощницахъ и по 6 пѣсни, егда не поется святому поліелеосъ, непременно воскресные кондаки, высоты ради воскреснаго дне: ипакой бо точію по непорочныхъ глаголются, понеже и во греческихъ переводахъ по сему же уставу обрѣтохомъ, еже воскресные кондаки на тѣхъ мѣстахъ глаголати. Сего ради и послѣдующе сему, такоже указахомъ и положихомъ въ конецъ книги сія. На ряду же указанному да не дивится никтоже, ниже смущается о семъ, зане съ прежнихъ переводовъ печатано, а греческихъ еще не видѣхомъ“. Т. е. справщики заявляютъ, что положенные ими „въ самой книгѣ указы вмѣсто воскресныхъ кондаковъ пѣтъ, въ означенныхъ случаяхъ, кондакъ Заступнице усердная“, слѣдуетъ оставить и пѣтъ воскресные кондаки, какъ это показано на двухъ послѣднихъ припечатанныхъ послѣ листахъ книги. Эту перемѣну они производятъ потому, что такъ найдено ими положеннымъ въ греческихъ книгахъ. Въ самой же напечатанной ими книгѣ „Шестодневъ“ эти перемѣны произведены потому, что во время печатанія книги у нихъ еще не было подъ руками греческихъ книгъ, и имъ пришлось печатать съ прежнихъ переводовъ, греческія же книги явились у нихъ тогда, когда печатаніе Шестоднева уже было кончено.—Въ послѣсловіи учительнаго Евангелія, изданнаго въ Москвѣ въ 1652 году, по благословенію патріарха Іосифа, справщики заявляютъ: „къ сему же да не усумнишися православный читателю, егда обрящещи въ святой книгѣ сей исправленія рѣченій, въ клоненіихъ измѣнена и другая таковая, и возмнится нова быти и самосмышлена, но нѣсть сиче: понеже за ихъ же святительскимъ благословеніемъ со многихъ переводовъ свидѣтельствовавши исправлена суть;

¹⁾ Опис. староп. книгъ Телстаго № 114, Царскаго № 168 и 169

переводы же собраны быша: единъ святѣя соборныя великія церкви пресвятѣя Богородицы Успенія, и другіи — Чудова монастыря и чудотворца Алексіа, и два Симона монастыря, древнихъ писмъ, *къ симъ же имъ Острожскія печати*“¹⁾).

Такимъ образомъ еще до патриаршества Никона книжная справа у насъ, благодаря царю и Стефану Вонифатьевичу, уже прочно была поставлена на совершенно новыхъ началахъ: при изданіи церковно-богослужебныхъ книгъ стали справляться съ греческими книгами, ими провѣрять наши прежнія изданія и, въ случаѣ разногласія славянскихъ переводовъ съ греческими подлинниками, стали давать рѣшительное преимущество послѣднимъ. Кромѣ греческихъ книгъ стали прибѣгать еще къ сличенію московскихъ изданій съ южно-русскими, какъ болѣе исправными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ старыя московскія. Очевидно Никону впоследствии приходилось только продолжать книжныя исправленія въ томъ духѣ и направленіи, какъ это было налажено уже до него.

Помимо приглашенія ученыхъ Кіевлянъ рѣшено было еще въ самой Москвѣ основать такую школу, въ которой бы преподавался греческій языкъ, почему стали искать подходящаго для школы учителя грека. Когда въ 1649 году въ Москву пріѣзжалъ іерусалимскій патриархъ Паисій, а съ нимъ его дидаскаль грекъ Арсеній, который ранѣе жилъ въ кievской Руси и зналъ славянскій языкъ, то Арсеній былъ оставленъ въ Москвѣ для предположенныхъ книжныхъ переводовъ и исправленій, а такъ же и для учительства. Въ то же время государь обратился съ особою просьбою къ іерусалимскому патриарху Паисію, что бы онъ, возвратившись изъ Москвы на востокъ, позаботился пріискать тамъ между учеными греками благонадежнаго учителя и прислалъ его для учительства въ Москву. Объ этомъ свидѣтельствуетъ грамота патриарха Паисія къ государю въ 1652 году, въ которой онъ, посылая въ Москву, въ качествѣ учителя для московской школы, митрополита Навпакта и Арты Гавріила, пишетъ: „повелѣли намъ, богомольцу вашему, радѣти и обрѣсти единаго учителя премудраго и православнаго, и не имѣлъ бы никакаго пороку во благочестивой вѣрѣ, и былъ

¹⁾ Опис старопеч. книгъ Царскаго. № 176

бы далече отъ еретиковъ, и послати бы намъ іво ко святому вашему царствію поклонитися, да учинить учительство и учить эллинскій языкъ, якоже она есть древня отъ иныхъ языкъ, понеже она корень и источникъ другимъ“ ¹⁾. Въ то же самое время, очевидно подъ давленіемъ царя и Стефана Вонифатьевича, и патріархъ Іосифъ долженъ былъ показать заботливость относительно устройства въ Москвѣ греческой школы. Грекъ Иванъ Петровъ въ 1649 году писалъ патріарху Іосифу: „даю вѣдомость о нѣкоторомъ учителѣ смышленномъ эллинскому языку и разсудителя евангельскому слову, и имя ему Мелентій, прозвище Сирихъ, что такова учителя втораго не обрѣтается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ. И даль свое слово—хотѣлъ придти сюда къ благочестивому царю и къ святѣйшеству вашему, а будетъ благоволеніе благочестиваго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всея Руси, и произволеніемъ святительства вашего, изволите дати грамоту мнѣ, да онъ придетъ сюда, и челомъ бью, да мнѣ о томъ учини указъ и подай отвѣтъ“ ²⁾.

Приглашеніемъ ученыхъ переводчиковъ книгъ и приисканіемъ на православномъ востокѣ учителей грековъ для предположенной въ Москвѣ школы не ограничились, а пошли, въ дѣлѣ сближенія съ православнымъ востокѣмъ, значительно далѣе.

Въ Москвѣ рѣшительно отсутствовала церковная проповѣдь и всякое вообще церковное учительство. Правда ревнители уже заводили въ церквахъ чтеніе для народа поученій—отеческихъ произведеній, или житій святыхъ. Но это были именно чтенія, иногда мало понятныя для слушателей, чтенія о матеріяхъ крайне далекихъ, а иногда и совсѣмъ чуждыхъ интересамъ тогдашняго общества, которое нуждалось не въ чтеніяхъ по книжкѣ, а въ устной, живой настоящей проповѣди, на болѣе или менѣе жизненныя и современныя темы. Такъ какъ у нашихъ ревнителей не было достаточно умѣнья составлять и говорить такія проповѣди, то рѣшились, чтобы познакомить московское общество съ характеромъ настоящей живой проповѣди, прибѣгнуть къ

¹⁾ Греческія дѣла (въ Москов, архивѣ мнв. нв. дѣлѣ) 7161 г. № 5

²⁾ Греч. дѣла 7157 г. № 24.

помощи прїѣзжихъ образованныхъ грековъ. Въ Москву, 8 декабря 1650 года, прибылъ назаретскій митрополитъ Гавріиль, игравшій дѣятельную и важную роль посредника между Хмѣльницкимъ и московскимъ правительствомъ по вопросу о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ и хорошо знавшій русскій языкъ. Ему поручено было проповѣдывать въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ онъ остановился, и гдѣ онъ дѣйствительно сказалъ рядъ устныхъ церковныхъ проповѣдей (изъ нихъ намъ извѣстны четыре проповѣди). Особеннаго вниманія заслуживаетъ его проповѣдь, сказанная имъ въ 1651 году, въ праздникъ Пятидесятницы, причемъ современный писатель его проповѣдей счелъ нужнымъ сопроводить свой списокъ такимъ замѣчаніемъ: „глаголаше же сіе поученіе изоустъ въ слухъ всѣмъ людемъ. Отпѣвъ божественную литургію“. Это поученіе назаретскаго митрополита касалось особенностей тогдашней русской жизни, и несомнѣнно имѣло прямую связь съ обличительными и реформаціонными стремленіями тогдашняго московскаго кружка ревнителей благочестія, сказано было съ ихъ согласія и одобренія. Вотъ что слышали о себѣ москвичи съ церковной кафедры изъ устъ прїѣзжаго греческаго іерарха: разсуждая о спасительности и важности крещенія, откуда-де произошло и самое названіе христіанъ, проповѣдникъ говоритъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ — москвичамъ: „самихъ же себѣ нарекоште болярами, и не Божіихъ сыновъ, но сыновъ боярскихъ любете себе предъ челоуѣки нарицати“; что же касается низшихъ себя — „меньшихъ братій своихъ сущихъ“ — те ихъ называютъ небеснымъ званіемъ — „христіанми“ (т. е. крестьянами), но этимъ названіемъ „яко бы ихъ охуждають, зане поручены имъ суть, и отъ ихъ трудовъ хранилища своя исполняютъ и пространно питають“ Между тѣмъ всякая душа, не именующая себя христіаниномъ вдовица есть, лишившаяся жениха, „наипаче пространно питающаяся лихоиманіемъ отъ трудовъ кровавыхъ меньшихъ подручниковъ“. Приглашая всѣхъ не гнушаться званіемъ христіанина, проповѣдникъ восклицаетъ: „устыдися прочее о семь, о любимче, и воскресни отъ мертвыхъ сихъ дѣлъ и изыди отъ мрака гордыни суетнаго гроба тьмы бѣсовскаго самоузнанія“; Царь и Творецъ всяческихъ не стыдится нарицать насъ своею братією, „ты жъ стыдишися по

Адамлю естеству и по духу благодати подручниковъ своихъ меншею братію ихъ себе нарицати. И что глаголю: и священникомъ, иже васъ крещеніемъ сынами Божиими творять, и пречистые дары божественнаго таинства преподають, и тѣмъ васъ съ Богомъ общають, — зане жъ раби Бога живаго суть—выжъ съ рабы своими равно ихъ вмѣняете. Но ты кто, судяй чуждему рабу? Священника не считаеши, священника оуждаеши; но слыши слово Его, реченное во пророцѣхъ: моихъ мнѣ отмщеніе, глаголетъ Господь; и азъ о моихъ воздамъ“. Впрочемъ, оговаривается проповѣдникъ, не одни знатные заслуживають обличенія, „но и во общихъ и простыхъ людехъ многому исправленію подлежаще: недугу лютой болѣзни пиянства, во иныхъ же сребролюбивый нравъ и непреклонный къ милостыни, яжъ къ нищимъ, иныхъ же блудодѣяніемъ и иными многими студѣянія, и льстивымъ обычаемъ, и лицемѣрнымъ челоукоугодіемъ, и небратолюбіемъ и несогласіемъ сего сродства Божіаго небснаго благородія свѣтло помрачаютъ и оуждають, и тако ругающеса, охъ горе, сими злыми дѣлы Творцу своему досаждаютъ и небснаго званія на прекрасное имя христіанское хулу отъ иноплеменникъ наносятъ, по глаголющему: вами бо, рече, имя мое хулится воязыцѣхъ“. Послѣ этихъ обличеній проповѣдникъ взываетъ къ слушателямъ: „престаните отъ злобъ вашихъ и научитеса добро творити, вы бо есте людіе Божіе, і языкъ святъ, царское священіе, яко жъ раби и сыны Божіи по благодати. Общее братолюбіе нелицемѣрно другъ ко другу имуще, въ смиренномудріи со страхомъ каждый особнѣ, дѣло и талантъ ему отъ Бога врученный, дѣлаеть: держащій скипетра и діадему царствія, яко истинніи раби Божіи. да не туне мечъ носить, но на отмщеніе злыхъ, и да не полагаетъ сего на земли, но присно въ десницѣ своей держай, да посылаетъ его на отмщеніе иноплеченныхъ языкъ, расхищающихъ стадо Христово и умаляющихъ достояніе его; токожде же и да потрясуетъ имъ надъ главами всякаго хищника, и лихоимца, и посульника, и на мздѣ судъ творящихъ, и на обиду творящихъ на неповинныхъ, и на всякаго насильника и еретика. И тако бо душа ихъ избавляти страхомъ отъ смерти, зане страха Божія не стяжаша, поне страхомъ слуга Божіаго царя уцѣломудрятса и въ чувство пріидуть“. Получивъ бояръ, народъ и самага царя, проповѣдникъ обращается

съ поученіемъ къ епископамъ и священникамъ: „церковные пастыріе—святители и наставницы, учителя и проповѣдницы слова Божія—священницы, врученный имъ отъ Бога талантъ духомъ кротости и всякимъ смиренномудріемъ и негорделивымъ нравомъ, но благимъ привѣтомъ люботщательне да дѣлаеть въ виноградъ Христовъ, нелѣпно, ниже на мздѣ, ибо мздоиманіе проклятая ересь симоніанская наречется, еюже безумніи продають Духъ Святыи,—Июда бо Христа Бога славы по плоти продаде, симоняне Духъ Святыи продають“. Убѣждая епископовъ ставить священниковъ не на мздѣ, проповѣдникъ далѣе убѣждаетъ ихъ духовные пищи—святое ученіе чистаго и правовѣрнаго восточнаго благочестія слово не челоуѣкоугодное преподавать—нищимъ и богатымъ, и всѣхъ бы ихъ равно, яко чада своя духовная, отъ чистаго сердца любити, и начастѣ ихъ назирать во градѣхъ и во весяхъ и по домомъ, да не плевелы и лядина въ нихъ лукаваго бѣса вкоренившись, пусть и неплоденъ сотворитъ виноградъ Господа Саваоѳа, его же содѣла кровію Сына своего, и тогда отъ рукъ вашихъ крове душъ овецъ своихъ и сребра своего съ лихвою взыщеть. Подобаеть, продолжаетъ поучать проповѣдникъ русскихъ архіереевъ, пастыремъ трезвость и бодрость и многое вниманіе имѣти, и дабы имъ нещадно казнити лѣнивыхъ и пѣяныхъ поповъ и чернцовъ десными и шуями, временнѣ и безвременнѣ, обаче кротостію духа и страхомъ спасти и отъ огня исхищающе“. Затѣмъ проповѣдникъ обращается съ поученіемъ къ священникамъ: „также и попове, говоритъ онъ, приходнымъ своимъ—чадѣ духовныхъ въ злобахъ ихъ, въ пѣанствахъ же и сребролюбяхъ, и въ лѣностехъ и нечистотѣхъ ихъ, нимало бы имъ въ тѣхъ не поблажати, ниже попускати, наипаче же самихъ себѣ образъ имъ къ добрымъ дѣламъ показывати, и тако себѣ спасугъ и послушающихъ ихъ“. Не оставилъ проповѣдникъ безъ назиданія и иноковъ и, особенно, монастырскія власти. „Изрядне же, говоритъ онъ, отрeksiяся міра и мірскихъ—чернцы, обѣтъ свой, его же предъ послухомъ ангельскимъ и челоуѣческимъ Богу въ залогъ дадоша, да присно тщаніе къ тщанію прилагающе, на духовный подвигъ подвизаются, взирающе на прежнихъ святыхъ отецъ, въ повиновеніи наставниковъ своихъ и отецъ духовныхъ, въ постѣ-жѣ и нищетѣ духовнѣй, а не

въ пѣанствѣ и распустѣ и въ непокореніи, на таковыхъ бо, рече, грядетъ гнѣвъ Господень на сыны непокорствіа. Еще жъ и начальники инокомъ въ цѣломудріи и кротости и истини да строятъ святыя монастыри со всякимъ вниманіемъ и страхомъ Божиимъ, помышляюще себѣ самихъ пришельцами и странниками на земли быти, и изгнанными отъ грѣховъ пзъ міра и мірскихъ. А еже врученное имъ имѣніе монастырское, не своимъ да помышляютъ имѣти, по глаголющему: яко вся имуше и ничто-же содръжаще; и ниже то своимъ сродникомъ по плоти раздovati, и богатыхъ и великихъ бояръ тѣмъ друзей себѣ набывати, да не со святокрадцемъ Юдою осужденіе и муку примите, но паче на удовольствие братіи и монастырскую потребу то да строете съ совѣтомъ старцевъ монастырскихъ въ чистѣ совѣсти своея; якожъ и оныхъ блаженныхъ трехъ отрокъ вавилонстіа пещи огонь чистыхъ и дѣвственныхъ не опали; тако бо и вашихъ неповинныхъ рукъ, или паче: душъ и совѣстей отъ монастырскаго стяжанія невредимыхъ быти, и тако наслѣдницы будете обнищавшаго васъ ради Христа, и достойную мзду съ мудрыми строители въ радости отъ него воспримите и въ день воздаяніа“. Въ заключеніе слова проповѣдникъ призавъ всѣхъ: бояръ, богатыхъ нищихъ и убогихъ къ взаимной любви между собою, къ повиновенію церковному закону, благочестивому и христіанскому царю, чтобы быти истиннымъ тѣломъ Христовымъ, домомъ и жилищемъ Св. Троицы,—сильно порицаетъ всѣхъ невѣрующихъ въ Св. Троицу: евреевъ, аріанъ, гусіанъ“, соціанъ и „проклятыхъ могометанъ“ ¹⁾.

Приведенное нами поученіе пріѣзжаго въ Москву за милостынею назаретскаго митроплита Гавріила, сказанное имъ въ Москвѣ въ 1651 году, поученіе съ довольно рѣзкимъ обличительно-учительнымъ характеромъ, обращенное имъ ко всѣмъ русскимъ, какъ къ высшимъ, такъ и къ низшимъ, какъ къ мірскимъ, такъ и духовнымъ, неисключая самихъ архіереевъ, ясно показываетъ, что отношеніе къ грекамъ, по крайней мѣрѣ высшаго Московскаго правительства, уже сильно измѣнилась даже сравнительно съ очень недав-

1) Импер. публичн., Погодинскія рукописи. по нынѣшнему каталогу № 1560. л-л 9—15

нимъ временемъ, когда на прїѣзжихъ къ намъ грековъ большинство и въ Москвѣ смотрѣло очень подозрительно, а нѣкоторые священники даже не пускали ихъ въ свои храмы. Смѣлое поучительное обращеніе греческаго митрополита въ словѣ къ самому царю, чтобы онъ постоянно держалъ мечъ въ рукахъ для пораженія иноплеменныхъ, наказанія всякихъ насильниковъ, злыхъ и порочныхъ, а также еретиковъ, показываетъ, что слово ранѣе прочитано было государю и публично произнесено было съ его разрѣшенія и одобренія. Въ противномъ случаѣ прїѣзжіи греческій іерархъ милостынесобиратель никогда бы не рѣшился публично проповѣдывать въ Москвѣ съ церковной кафедры въ рѣзкомъ обличительномъ тонѣ. Самое большее, на что бы самъ по себѣ могъ отважиться прїѣзжіи въ Москву греческій іерархъ — это льстивое, напыщенное прославленіе русскаго царя, русскаго благочестія, публичное признаніе русскихъ свѣтомъ и опорю всего православія.

И въ сферѣ чисто церковныхъ установленій царь и Стефанъ Воиফатъевичъ, еще за нѣсколько лѣтъ до патриаршества Никона, уже выступаютъ на тотъ путь церковныхъ исправленій, какія потомъ стали производить Никонъ. Именно: царь воспользовался прїѣздомъ въ Москву іерусалимскаго патриарха Паисія и совѣтывался съ нимъ о постѣ въ четырехдесятицу и относительно времени совершенія литургіи и, вѣроятно, по другимъ церковнымъ вопросамъ, въ видахъ приведенія къ единству нашего церковнаго устава и всей церковной практики съ тогдашними греческими порядками и практикой, намѣчая этимъ характеръ будущей реформы Никона и, въ извѣстномъ смыслѣ, предваряя ее. Объ этомъ соглашеніи государя съ патриархомъ Паисіемъ по нѣкоторымъ вопросамъ, мы узнаемъ изъ письма къ государю самого патриарха Паисія, который пишетъ: „относительно святой четырехдесятицы царствіе твое изволилъ послать своего боярина просить насъ, чтобы мы относительно ея учинили соглашеніе со святѣйшимъ патриархомъ, братомъ и сослужителемъ; и я сказалъ, что въ продолженіи всего года должна совершаться божественная литургія въ два часа, а въ святую четырехдесятицу, которой научилъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, должно поститься до отпуска вечерни, такъ какъ она есть одесятствованіе всего года, дабы испо-

вѣдывались христіане для заглаженія грѣховъ и очищенія душъ, если что они содѣяли во весь годъ... Я же, долгоденствующій царь, сказалъ твоему боярину, чтобы было такъ, какъ рѣшено тобой, ибо въ праздникъ святаго я спросилъ твое царствіе о литургіи, и ты приказалъ, какъ пишеть уставъ... И я, услышавъ твое царское слово, что указалъ слѣдовать уставу, очень возрадовался“... ¹⁾).

Въ то же время, въ видахъ болѣе широкаго проведенія въ будущемъ задуманной церковной реформы, въ видахъ подготовки для нея болѣе обширнаго и на мѣстѣ собраннаго матеріала, царь посылаетъ на востокъ, вмѣстѣ съ отъѣзжавшимъ туда изъ Москвы Іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, извѣстнаго старца Арсенія Суханова, которому государемъ поручено было составить „описаніе святыхъ мѣстъ и греческихъ церковныхъ чиновъ“, какъ онъ ихъ найдетъ, хорошо ознакомившись съ ними на мѣстѣ.

Въ 1651 году наше правительство пошло въ указанномъ направленіи далѣе. Патріархъ Іосифъ, несомнѣнно подъ давленіемъ царя и Стефана Вонифатьевича, принужденъ былъ обратиться къ константинопольскому патріарху за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ возникшихъ у насъ церковныхъ вопросовъ и, главнымъ образомъ, вопроса о единогласіи въ церковныхъ службахъ, чѣмъ рѣшительно и ясно было признано, что въ случаѣ возникновенія у насъ сомнѣній и разногласій по вопросамъ нашей церковной практики, русскіе должны обращаться къ представителю греческой вселенской церкви—константинопольскому патріарху, которому и принадлежитъ рѣшающей голосъ по возбужденнымъ вопросамъ.

Наконецъ, не задолго до смерти патріарха Іосифа, царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ еще одинъ въ высшей степени важный шагъ: онъ велѣлъ на многолѣтіяхъ, вмѣстѣ съ московскимъ патріархомъ, поминать и вселенскихъ греческихъ патріарховъ. Іюня 11-го 1652 года Никонъ, тогда еще новгородскій митрополитъ, съ пути, при возвращеніи изъ Соловецкаго монастыря съ мощами св. Филиппа митрополита, пишетъ государю: „а что во многолѣтїи и вселенскихъ патріарховъ поминать, и то зѣло благо, какъ ты го-

¹⁾ Арсеній Сухановъ, С А Бѣлокурова, ч I; прил., стр XXXVI

сударь писалъ“. ¹⁾ Это распоряженіе царя, чтобы на многолѣтіяхъ поминались вселенскіе патріархи, было публичнымъ, торжественнымъ признаніемъ полнаго единенія русской церкви съ вселенскою греческою, публичнымъ въ слухъ всѣхъ признаніемъ тогдашнихъ греческихъ патріарховъ такими же православными, какъ и московскій патріархъ.

Такимъ образомъ царь Алексѣй Михайловичъ и его духовникъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ, еще въ патріаршество Іосифа, уже намѣтили, очень ясно и опредѣленно, характеръ будущей церковной реформы, которую долженъ былъ совершить потомъ преемникъ состарѣвшагося Іосифа. Они вызвали изъ Кіева ученыхъ книжныхъ справщиковъ, которые еще при Іосифѣ уже начали въ Москвѣ исправляти книги по греческимъ и южно-русскимъ изданіямъ. Для этой же цѣли въ Москвѣ былъ оставленъ и извѣстный Арсеній грекъ, которымъ потомъ, какъ и учеными кіевлянами, Никонъ воспользовался для книжной sprawy. Греки еще до Никона допущены были у насъ до публичнаго церковнаго учительства, чтобы показать русскимъ примѣръ живой устной проповѣди, нами было забытой. Еще до Никона царь усиленно заботится объ устройствѣ въ Москвѣ школы, въ которой бы преподавался греческій языкъ, почему и разыскиваетъ на востокъ подходящаго греческаго учителя. Еще до Никона наше правительство вступаетъ съ пріѣзжавшимъ въ Москву іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ въ соглашеніе по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ, принимая во вниманіе сдѣланныя имъ указанія и разъясненія. Но этого мало. Еще до Никона у насъ уже обращаются къ константинопольскому патріарху за рѣшеніемъ нѣкоторыхъ возникшихъ въ нашей церковной практикѣ вопросовъ, и тѣмъ открыто признаютъ въ дѣлахъ русской церкви высшій авторитетъ греческой вселенской церкви, ея право дѣлать намъ указанія и разъясненія. Въ видахъ будущаго согласованія всей нашей церковно-богослужебной практики съ тогдашнею греческою, на православный востокъ посылается нарочитый человекъ—Арсеній Сухановъ, который обязанъ былъ точно и безпристрастно описать всѣ греческіе церковные чины, какими онъ ихъ найдетъ у тогдашнихъ грековъ. Наконецъ въ Москвѣ

¹⁾ Письма русскихъ государей, ч. I, 382, стр. 302

начинають на многолѣтіяхъ торжественно поминать греческихъ патріарховъ, чтобы тѣмъ публично засвидѣтельствовать, что русская церковь признаетъ современныхъ греческихъ патріарховъ вполне православными.

Очевидно церковная реформа, въ смыслѣ тѣснѣйшаго единенія русской церкви съ тогдашнею греческою, въ смыслѣ согласованія русскихъ богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими, задумана была царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его уважаемымъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, и что они, еще до патріаршества Никона, уже усиленно подготавливали почву и средства для ея выполненія въ опредѣленномъ духѣ и направленіи.

Изъ сказаннаго понятнымъ становится, какую особую исключительную важность придавали царь и Стефанъ Вонифатьевичъ тому лицу, которое должно было занять мѣсто патріарха Іосифа. Послѣдній догадывался, а вѣроятно и положительно зналъ, о планахъ царя, о томъ, что онъ, Іосифъ, занимая патріаршій престолъ, мѣшаетъ новымъ дѣятелямъ, которые съ нетерпѣніемъ ждутъ, когда онъ освободитъ патріаршую кафедру своему преемнику. Іосифъ даже сталъ думать, что его низведутъ съ патріаршества: „перемѣнитъ меня, скинутъ меня хотятъ, говорилъ онъ въ послѣднее время своимъ приближеннымъ“. Но царь, въ письмѣ къ Никону о смерти патріарха Іосифа, рѣшительно отрицаетъ справедливость подозрѣній Іосифа о его низверженіи: „а у меня, пишетъ царь, и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видитъ, ей ни на умѣ того небывало; и помыслить страшно на такое дѣло“¹⁾. Вѣроятно царь и Стефанъ Вонифатьевичъ дѣйствительно вовсе не думали о низверженіи Іосифа, но, въ виду его старости и болѣзненности, конечно думали и говорили между собою о необходимости заранѣе намѣтить въ преемники Іосифу такого человѣка, который бы вполне раздѣлялъ ихъ возрѣнія на предстоящую задуманную ими церковную реформу, и чтобы онъ обладалъ такими личными силами и средствами, которыя бы дали ему возможность твердо и рѣшительно провести эту реформу въ исполненіе. Они необходимо искали вокругъ себя подходящее лицо, и ихъ вниманіе остановилось на новоспасскомъ архимандритѣ

¹⁾ Ак. Эксп. т. IV, № 57, стр. 83.

Никонъ, который, казалось, по своимъ качествамъ вполне подходилъ къ той роли, какую предназначалось выполнить будущему патриарху.

Никонъ былъ безспорно замѣчательно умный и богато одаренный отъ природы человѣкъ: живой, воспримчивый, сильно увлекающийся и энергичный, способный своими выдающимися качествами и всею своею личностію производить на другихъ сильное впечатлѣніе. Онъ былъ учителемъ и умѣлъ хорошо говорить поученія и рѣчи на различныхъ случаяхъ, онъ обладалъ обширною начитанностію и прекрасною памятью, что давало ему возможность въ своихъ рѣчахъ ссылаться на библейско-церковно-историческіе примѣры, на свидѣтельства отцовъ и учителей церкви. По природѣ онъ былъ широкая натура, способная дѣйствовать не по шаблону, способная увлекаться новымъ, оригинальнымъ, грандіознымъ. Строить онъ, на примѣръ, монастыри, но не такъ, какъ другіе: въ одномъ онъ воздвигаетъ храмъ по образцу храма стараго Іерусалима и самый монастырь называетъ Новымъ Іерусалимомъ; другой строитъ по подобію аеонскаго и называетъ его Иверскимъ, населяетъ его монахами южно-русскими выходцами, заводитъ въ немъ типографію, а въ своемъ Ново-іерусалимскомъ монастырѣ устанавливаетъ церковныя службы на греческомъ языкѣ Кіевскими напѣвами. Проживая въ Москвѣ въ качествѣ новоспасскаго архимандрита, онъ, какъ человѣкъ умный и воспримчивый, сближается здѣсь съ учеными кіевлянами и греками, начинаетъ понимать и цѣнить ихъ и, сдѣлавшись патриархомъ, выдвигаетъ ихъ, привлекаетъ къ рѣшенію церковныхъ дѣлъ и опирается на авторитетъ ихъ учености и знаній. Даже въ обычной обстановкѣ Никонъ любилъ все необычное, выдающееся, красивое. Такъ въ Новгородѣ онъ выстраиваетъ новый хорошій архіерейскій домъ, строитъ въ Москвѣ новый по тому времени роскошный патриаршій домъ. Никонъ любитъ, являясь всенародно въ качествѣ патриарха, торжественную и возможно пышную обстановку: его патриаршія облаченія отличались необыкновенною роскошью и ихъ было очень много (однихъ сакозовъ до ста). Словомъ во всемъ и всюду онъ проявлялъ незаурядную натуру, оригинальность, умъ и вкусъ. Поселившись въ Москвѣ онъ заявилъ себя здѣсь очень виднымъ и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ: какъ новоспасскій архи-

мандрить онъ игралъ при царѣ эффектную роль ходатая и заступника за всѣхъ бѣдныхъ, несчастныхъ, обездоленныхъ, что дѣлало его очень популярнымъ. Ставъ потомъ новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ показалъ себя выдающимся для того времени епархіальнымъ архіереємъ: онъ ввелъ въ Новгородѣ единогласное истовое церковное служеніе, ввелъ въ церковномъ пѣніи кievскіе напѣвы, которые такъ любилъ, говорилъ къ народу поученіи, что для того времени было мало обычно. Онъ строилъ въ Новгородѣ богадѣльни, кормилъ голодныхъ и нищихъ, щедро раздавалъ милостыню, лично посѣщалъ заключенныхъ въ темницы, заступался за неправильно осужденныхъ, заботился поднять престижъ всего духовенства въ глазахъ паствы, смѣло, во имя законности и порядка, боролся съ бунтовавшею народною массою, рискуя при этомъ быть убитымъ. Естественно, что всѣми этими блестящими качествами, выдающеюся незаурядною дѣятельностію, Никонъ производилъ сильное и благопріятное впечатлѣніе на царя и на Стефана Вонифатьевича.

Но при своихъ блестящихъ природныхъ дарованіяхъ Никонъ, въ то же время, по общему характеру строя всей своей умственной жизни, по пріемамъ и способу своего мышленія, по основамъ своего общаго міросозерцанія, по пониманію православія и благочестія, по своей малой способности вращаться въ сферѣ высшихъ христіанскихъ истинъ и знаній, былъ настоящимъ сыномъ своего времени, и въ этомъ отношеніи ничѣмъ существенно и кореннымъ образомъ не разнился отъ своихъ друзей, а потомъ враговъ—Неронова, Аввакума и др. Онъ даже, какъ и они, былъ такой же и свидѣць и цѣлитель и чудотворецъ. Въ существѣ дѣла Никонъ—реформаторъ оставался тѣмъ же типичнымъ старымъ московскимъ начетчикомъ, подчасъ очень одностороннимъ и узкимъ въ дѣлѣ пониманія вѣры и благочестія, какъ и его противники. Какъ и у нихъ его мысль и благочестіе были прикованы по преимуществу къ внѣшней сторонѣ религіи: къ ея обряду, къ тому или другому церковному чину и обычаю, почему и его благочестіе обязательно и неразрывно соединялось у него только съ опредѣленною внѣшнею извѣстною формою выраженія,—измѣненіе этой формы являлось въ его пониманіи измѣненіемъ самаго существа благочестія. Ему, какъ и всѣмъ тогдашнимъ начетчикамъ, недо-

ставало, при ихъ выдающихсяъ природныхъ дарованіяхъ, самаго главнаго: систематическаго правильнаго обученія, научныхъ знаній, умѣнья изучить предметъ критически, умѣнья въ дѣлахъ вѣры и благочестія существенное отдѣлить отъ несущественнаго, важное отъ неважнаго, вѣру и ученіе отъ обряда, того или другаго исторически сложившагося церковнаго чина, устава, просто обычая. А все это извѣстнымъ, неособенно благопріятнымъ образомъ, должно было отразиться въ послѣдствіи на всей его церковно-реформаторской дѣятельности. Къ этимъ интеллектуальнымъ особенностямъ Никона присоединялись еще и нѣкоторыя особенности его нравственнаго характера, которыя съ особою силою сказались, когда онъ сдѣлался патріархомъ. Въ Никонѣ-патріархѣ сказался человѣкъ очень властный, гордый и суровый, человѣкъ самолюбивый, неуступчивый и нетерпимый къ мнѣнію другихъ, а въ то же время человѣкъ очень увлекающійся, и потому недостаточно устойчивый въ самыхъ своихъ убѣжденіяхъ и, особенно, въ своихъ симпатіяхъ и отношеніяхъ къ другимъ, способный часто дѣйствовать подъ вліяніемъ просто гнѣва или неудовольствія, и вообще тѣхъ или другихъ случайныхъ и чисто внѣшнихъ впечатлѣній. Впрочемъ всѣ эти отрицательныя качества выступили у Никона съ особою рельефностію только въ послѣдствіи, когда онъ сдѣлался патріархомъ; ранѣе ихъ не замѣчали, и потому Никонъ, какъ безспорно-выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, и былъ намѣченъ царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ въ патріархи на мѣсто Іосифа.

Если царь и Стефанъ Вонифатьевичъ видѣли въ Никонѣ вполне подходящаго по своимъ качествамъ человѣка, который съ успѣхомъ могъ выполнить ихъ планъ о полномъ единеніи русской церкви съ вселенскою греческою, объ уничтоженіи у насъ въ церковной практикѣ всего, что препятствовало доселѣ этому единенію, если они уже заранѣе подготовили для такой реформы почву и средства, а также указали и тотъ путь, какимъ долженъ слѣдовать будущій патріархъ для достиженія намѣченной цѣли; то понятно, что предназначая Никона въ преемники Іосифу, они предварительно должны были получить твердую и несомнѣнную увѣренность, что Никонъ, по своимъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ, есть дѣйствительно такой человѣкъ, который вполне

раздѣляетъ ихъ воззрѣнія на современныхъ грековъ, какъ на строго православныхъ, на русскія церковныя особенности, несогласныя съ тогдашними греческими, какъ на уклоненія отъ строго православныхъ нормъ, которыя сохранились только у грековъ; на русскія церковно-богослужебныя книги, какъ на испорченныя русскимъ невѣжествомъ, и потому нуждающіяся въ ихъ тщательномъ всестороннемъ исправленіи по греческимъ подлинникамъ учеными киевлянами и греками. Словомъ, они должны были напередъ увѣриться, что Никонъ будетъ имѣть полную охоту дѣйствовать именно въ томъ духѣ и направленіи, въ какомъ желали они. Но именно этого-то о Никонѣ и нельзя было сказать. Какъ и всѣ провинціальныя ревнители благочестія, Никонъ очень подозрительно относился къ современнымъ грекамъ и ихъ благочестію, онъ думалъ, что истинное благочестіе теперь сохранилось только у русскихъ, а не у грековъ. Эти обычныя тогда воззрѣнія большинства русскихъ на грековъ Никонъ не стѣсняясь высказывалъ открыто уже и тогда, когда онъ переселился въ Москву и сдѣлался здѣсь новоспасскимъ архимандритомъ. Неровновъ впослѣдствіи говорилъ патріарху Никону: „Святитель, иноземцевъ (т. е. грековъ) законоположеніе ты хвалишь и обычаи тѣхъ приемишь, благовѣрны и благочестны тѣхъ родители нарицаешь; а мы прежде сего у тебя же слышали, что многожды ты говаривалъ намъ: „гречане-де и Малыя Росіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой-де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ-де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ необъявилось и благочестія нимаго“ ¹⁾. Очевидно, если потомъ Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, сразу заявилъ себя завзятымъ греко-филомъ, то значить, въ его воззрѣніяхъ на грековъ и ихъ благочестіе совершился въ Москвѣ, и притомъ въ послѣднее время, крутой переворотъ, превратившій Никона изъ порицателя грековъ въ ихъ поклонника и почитателя. Понятно подъ чьимъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ совершился этотъ переворотъ у Никона. Поселившись въ Москвѣ, сблизившись съ царемъ, Стефаномъ Вонифатьевичемъ и Ртищевымъ, Никонъ попалъ въ грекофильствующую среду, выросшую въ иныхъ чѣмъ онъ воззрѣніяхъ на грековъ, на взаимныя от-

¹⁾ Матер. I, 150.

ношенія русской церкви къ греческой. Какъ человѣкъ очень умный и воспріимчивый, онъ не могъ не присмотрѣться къ этимъ новымъ для него воззрѣніямъ на грековъ и греческое благочестіе, не могъ не придти къ убѣжденію, что эти новыя для него воззрѣнія вѣрнѣе его прежнихъ, порожденныхъ національнымъ самооптѣніемъ, что онѣ болѣе соответствують исторической дѣйствительности, исконнымъ предшествовавшимъ историческимъ отношеніямъ русской церкви къ породившей ея вселенской греческой. Онъ не могъ не видѣть, что при господствѣ его старыхъ воззрѣній на грековъ и православный востокъ вообще, Россія не можетъ быть тѣмъ единымъ православнымъ царствомъ, въ которое войдутъ разрозненныя и покоренныя турками православныя народности, о чемъ однако постоянно мечтали и проповѣдывали старо-московскіе книжники, порицатели грековъ и ихъ благочестія. Словомъ, благодаря знакомству съ царемъ, Стефаномъ Вонифатьевичемъ, Ртищевымъ, благодаря частымъ бесѣдамъ съ ними, Никонъ незамѣтно измѣнилъ прежнія свои воззрѣнія на современныхъ грековъ какъ разъ на противоположныя, незамѣтно сталъ сочувствовать, сталъ принимать участіе въ планахъ царя и Стефана—объ установленіи тѣснѣйшаго единенія русской церкви съ современною греческою, на почвѣ согласованія русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ съ греческими.

Въ этомъ же направленіи на Никона дѣйствовали въ Москвѣ и другія вліянія, окончательно убѣдившія его въ правотѣ и необходимости церковной реформы, ранѣе въ общемъ уже намѣченной царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ.

Поселившись въ Москвѣ, Никонъ необходимо познакомился, благодаря царю и Стефану, съ появившимися тогда въ Москвѣ новыми учительными книгами: Кирилловой и книгою о Вѣрѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя и издана-то была Стефаномъ Вонифатьевичемъ. Знакомство съ этими книгами, для Никона обязательное, естественно должно было убѣждать его въ ошибочности его прежняго взгляда на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное благочестіе, должно было вести его къ убѣжденію, что четыре восточные патріарха „право и неизмѣнно вѣру, данную имъ отъ св. Апостоль, и ихъ учениковъ, и седми вселенскихъ соборовъ, и

помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не нарушающе, ни прикладая, ни отлагая проповѣдали и проповѣдуютъ, держали и держатъ (Кириллова книга); что россійскому народу патриарха вселенскаго, архіепископа константинопольскаго, слушати, и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и въ науцѣ духовной есть польза и пріобрѣтеніе велие — спасительное и вѣчное“ (книга о Вѣрѣ). Къ этимъ воздѣйствіямъ новоизданныхъ московскихъ книгъ присоединились еще воздѣйствія со стороны грековъ и кіевлянъ.

27 января 1649 года въ Москву пріѣхалъ іерусалимскій патриархъ Паисій, который съ обычнымъ почетомъ принятъ былъ царемъ. Предъ наступленіемъ великаго поста Паисій прислалъ въ Посольскій приказъ листъ, въ которомъ, рассуждая о важности поста, и желая государю провести его здраво и радостно и неврединю, въ концѣ своего разсужденія пишетъ и слѣдующее: „еще пребываючи азъ при вашей милости въ прошлые дни, говорилъ есми со преподобнымъ архимандритомъ спасскимъ Никономъ, и полюбилася мнѣ бесѣда его; и онъ есть мужъ благоговѣйный и досужъ и вѣрный царствія вашего; прошу, да будетъ имѣти повольно приходити къ намъ бесѣдовати по досугу, безъ запрещенія великаго вашего царствія“. Послѣ оставленія Никона въ новгородскіе митрополиты, Паисій снова прислалъ въ Посольскій приказъ письмо, въ которомъ восхвалялъ государя за такой удачный выборъ. „Похваляемъ благодать, пишетъ Паисій царю, что просвѣти васъ Духъ Святой и избрали есте такого честнаго мужа, преподобнаго инокосвященника и архимандрита господина Никона, и возведе его великое ваше царствіе на святой престоль святыя митрополіи новгородскіе, и онъ есть достоинъ утверждати церковь Христову и пасти словесныя овца Христова, якоже глаголетъ Апостоль: таковъ намъ подобаше архіерей, и будетъ молити Бога о многолѣтномъ здравіи великое ваше царствіе“. Въ заключеніе Паисій выражаетъ желаніе, если позволитъ государь, подарить Никону одну мантию отъ святыхъ мѣсть. Съ несомнѣнностію можно предположить, что въ бесѣдахъ между Паисіемъ и Никономъ затрогивались тѣ именно церковныя вопросы, которые касались разностей, какія тогда существовали между русскою и греческою церковно-обрядовою практикою, причемъ Паисій старался убѣдить Никона въ правотѣ

тогдашней греческой практики и въ необходимости, въ видахъ полнаго единенія церквей, согласовать съ нею практику русской церкви. Что свои бесѣды съ Никономъ Паисій велъ именно на этой почвѣ, видно изъ того, что подобнаго же рода бесѣды Паисій велъ и съ самимъ царемъ, а съ патриархомъ Іосифомъ онъ, по приказанію царя, даже „учинилъ соглашеніе“ относительно поста въ четырехдесятицу и времени совершенія литургіи. Впослѣдствіи самъ Никонъ заявлялъ, что іерусалимскій патриархъ Паисій зазиралъ его за разныя церковныя вины и, между прочимъ, за неправильное изображеніе крестнаго знаменія. Конечно бесѣды Никона съ Паисіемъ происходили по желанію царя и Стефана Вонифатьевича, которые имѣли въ виду этимъ путемъ утвердить Никона въ убѣжденіи, что современная греческая церковь также православна, какъ и древняя, и что не русскіе, а греки должны быть образцомъ при упорядоченіи нашей церковно-обрядовой практики. Вѣроятно и самъ Никонъ, уже ранѣе признавшій ошибочность своего прежняго предубѣжденія противъ грековъ, стремился лично бесѣдою съ іерусалимскимъ патриархомъ провѣрить свои новыя воззрѣнія и убѣдиться въ ихъ правильности, и эти бесѣды несомнѣнно имѣли очень большое вліяніе на окончательную увѣренность Никона въ правотѣ его новыхъ воззрѣній на современныхъ грековъ. Что же касается патриарха Паисія, то его желаніе поближе сойтись съ Никономъ и оказать на него воздѣйствіе въ интересахъ грековъ и всего греческаго, было вполне естественно. Никонъ былъ любимцемъ царя, самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ и, слѣдовательно, могъ расположить царя къ удовлетворенію всѣхъ просьбъ Паисія о помощи бѣдствующему св. Гробу. Съ другой стороны патриархъ Паисій не могъ не видѣть, что Никонъ въ скоромъ будущемъ будетъ играть въ русской церкви выдающуюся и, вѣроятно, исключительную роль, и потому съ своей стороны употребилъ всѣ усилія обратить Никона въ друга грековъ, постарался разсвѣять въ немъ всѣ старыя неосновательныя предубѣжденія противъ грековъ и убѣдить его, что греки сохранили православіе, благочестіе и весь церковный чинъ и обрядъ въ своемъ первоначальномъ, неповрежденномъ видѣ и чистотѣ. Итакъ какъ это убѣжденія Никона Паисій къ тому же сопровождалъ особыми похвалами выдающимся качествамъ

ума и сердца Никона, а Никонъ никогда не былъ равнодушенъ къ расточаемымъ ему похваламъ, то онъ, послѣ бесѣды съ Паисіемъ, окончательно примкнулъ къ программѣ грекофильской церковной реформы, ранѣе намѣченной царемъ и Стефаномъ Воиначевичемъ.

Своими только личными бесѣдами съ Никономъ патріархъ Паисій не ограничился. Онъ рѣшился воздѣйствовать на русское правительство, и въ частности на Никона, въ видахъ дальнѣйшаго укрѣпленія его въ грекофильскомъ направленіи, съ помощію другихъ лицъ, нарочито присылаемыхъ въ Москву. Такъ 1650 году въ Москву прибылъ, посланный Паисіемъ, назаретскій митрополитъ Гавріиль. Онъ, какъ мы знаемъ, занимался въ Москвѣ церковнымъ проповѣдничествомъ, а также книжными переводами и въ тоже время, съ разрѣшенія царя, велъ бесѣды съ Никономъ, настаивая, какъ знающій славянскій языкъ, на неисправности русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ и необходимости ихъ исправленія съ греческихъ подлинниковъ, указывая на нѣкоторые неправые русскіе обряды и на необходимость ихъ исправленія согласно съ обрядами, существовавшими въ греческой церкви. На такого рода зазіранія назаретскаго митрополита впослѣдствіи ссылался самъ Никонъ, въ оправданіе проводимой имъ церковной реформы. Но и посылку въ Москву назаретскаго митрополита патріархъ Паисій неограничился. Сопровождавшій его изъ Москвы извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, затѣялъ съ греками въ Молдавіи извѣстныя свои пренія о вѣрѣ, причемъ рѣзко высказалъ тотъ взглядъ, что греки потеряли уже истинное благочестіе, которое теперь сохранилось только у русскихъ, что самое православіе современныхъ грековъ сомнительно. Для противодѣйствія этимъ взглядамъ и для поддержанія уже намѣченной въ Москвѣ грекофильской реформы, патріархъ Паисій рѣшилъ послать въ Москву такое довѣренное и авторитетное лицо, которое бы способно было убѣдительно разъяснить русскимъ ошибочность и полную несправедливость ихъ подозрительнаго отношенія къ правовѣрью и благочестію современныхъ грековъ, убѣдило бы ихъ въ необходимости привести русскій церковный обрядъ въ полное соотвѣтствіе съ тогдашнимъ греческимъ. Такимъ человѣкомъ былъ митрополитъ Навпакта и Арты Гавріиль Власій, человѣкъ ученый,

знавшій языки греческій и славянскій, ранѣе уже хорошо извѣстный въ Москвѣ, такъ какъ онъ присылалъ въ Москву книги, писанныя на греческомъ и славянскомъ языкахъ, а также и разныя отписки съ тайными политическими вѣстями. При этомъ Гавріиль Власій былъ знакомъ и съ тѣми церковными вопросами и недоумѣніями, рѣшеніемъ которыхъ, предполагалось, ему придется заняться въ Москвѣ. Онъ не только былъ свидѣтелемъ преній Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ, но и самъ принималъ въ этихъ преніяхъ непосредственное личное участіе и, значитъ, уже ранѣе былъ нѣсколько подготовленъ къ своей особой миссіи въ Москвѣ. Въ октябрѣ 1652 года митрополитъ Гавріиль Власій прибылъ въ Москву, причемъ патриархъ Паисій, въ своей грамотѣ государю, рекомендуетъ Власія какъ „премудраго учителя и богослова великія церкви Христовы“, что „такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не во многихъ обрѣтаетца“, что онъ уполномоченъ, „въ которомъ мѣстѣ не будетъ, *отвѣцати за насъ во всѣхъ благочестивыхъ вопросахъ православныя вѣры нашея*“. Съ своей стороны, бывшій константинопольскій патриархъ Іоанникій, въ особой грамотѣ царю, заявлялъ, что Гавріиль „и богословъ и православный въ родѣ нашемъ, *и что произволитъ великое ваше царствіе отъ него вопросити отъ богословія и изысканія церковнаго, о томъ отвѣтъ будетъ держати благочестно и православно*, яко же воспріяша благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь“. Очевидно митрополитъ Гавріиль Власій былъ посланъ въ Москву Паисіемъ, между прочимъ, и съ особою спеціальною цѣлію: отвѣчать „отъ богословія и изысканія церковнаго“ на всѣ тѣ вопросы, какіе, предполагалось, ему будутъ предложены въ Москвѣ. Какъ митрополитъ Гавріиль Власій выполнилъ свою миссію въ Москвѣ мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Очень вѣроятно, что онъ велъ съ Никономъ, только что сдѣлавшимся патриархомъ, бесѣды „отъ богословія и изысканія церковнаго“, относительно особенностей русскаго обряда и чина, о необходимости ихъ немедленнаго приведенія въ полное соотвѣтствіе съ тогдашними греческими чинами и обрядами, особенно въ виду того, что эти обрядовыя разности, какъ показали пренія Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ, подають поводъ нѣкоторымъ русскимъ подозрительно и даже прямо отрицательно относиться къ

православію современныхъ грековъ. Вѣроятно эти бесѣды съ митрополитомъ Власіемъ, человѣкомъ ученымъ и уже ранѣе подготовившимся къ такимъ бесѣдамъ, вызвали въ Никонѣ окончательную рѣшимость немедленно заняться исправленіемъ русскаго церковнаго чина и обряда. Покрайней мѣрѣ вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Мослвы митрополита Гавріила Власія (онъ выѣхалъ изъ Москвы въ февралѣ 1653 г.) Никонъ, въ виду наступившаго великаго поста, издалъ свое первое извѣстное реформаціонное распоряженіе о поклонахъ и перстосложеніи для крестнаго знаменія ¹⁾.

Наконецъ былъ еще одинъ факторъ, который оказалъ сильное вліяніе если не на самую переменъ въ воззрѣніяхъ Никона на грековъ, то на характеръ и выполнение его будущей реформы. Это были пріѣхавшіе въ Москву въ 1649 году, вскорѣ послѣ отъѣзда іерусалимскаго патріарха Паисія, ученые кіевляне, и изъ нихъ по преимуществу ученѣйшій Епифаній Славинецкій. Дѣло въ томъ, что при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ въ кіевской Руси совершилась также самая церковная реформа, которая произведена была потомъ Никономъ въ Москвѣ: и въ Кіевѣ, какъ и въ Москвѣ, исправлялись церковныя книги съ греческихъ, церковные обряды и чины приводились, по возможности, въ полное соотвѣтствіе съ греческими чинами и обрядами. Въ виду этого вполне естественно было, что ученые кіевляне, перебравшись въ Москву, явились здѣсь поборниками той же самой церковной реформы, какую они уже пережили у себя на родинѣ, тѣмъ болѣе, что московскія церковныя особенности служили для многихъ москвичей поводомъ и основаніемъ заподозривать православіе не только современныхъ грековъ, но и кіевлянъ. Со стороны послѣднихъ поэтому вполне естественно было желать, путемъ церковной реформы въ Москвѣ, снять съ себя нареканія москвичей въ уклоненіи отъ строгаго православія. Въ одной исторической запискѣ, конца XVII вѣка, о дѣятельности Епифанія рассказывается, что онъ, прибывъ въ Москву, сталъ слыхать греческую библію съ славянскими переродами и нашель послѣднія очень неисправными, почему и сталъ заявлять въ слухъ всѣмъ, что стыдъ для православныхъ славянъ не имѣть у себя хорошаго перевода

1) Греческія дѣла 7161 г. № 5 (въ Моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ).

Бібліи. „И оттуду, заявляєть записка, вину пріємъ святѣй-
шій Никонъ патріархъ нача съ греческихъ правити книги
славянскія, по тогожде мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія
разсмотрѣнію и извѣщенію, яко книга Литургіарій премного
не согласоваше въ самомъ священнодѣйствіи съ греческимъ
святѣя литургіи. И тако мало по малу мудраго и православ-
наго сего Епифанія словеса доидоша въ слухи и самага
благочестивѣйшаго государя, царя и великаго князя, Але-
ксѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи
самодержца, что въ словенской Библіи премногая суть пре-
грѣшенія въ реченихъ и разумѣни, не отъ хитрости, но
отъ простоты и невѣдѣнія, и несогласіе величайшее съ эл-
линскою седмдесятыхъ переводниковъ, преведшихъ древле
при Птоломѣѣ Филадельфѣ, египетстемъ царѣ, съ еврейскаго
на эллинскій діалектъ“. ¹⁾ Заявленіе записки объ Епифаніи,
какъ первомъ, подмѣтившемъ испорченность славянскихъ
переводовъ Библіи, вовсе невѣрно, такъ какъ Епифаній и
вызванъ былъ въ Москву именно потому, что тутъ уже при-
знана была несостоятельность переводовъ старо-славянскихъ
Библіи и необходимость ея новаго перевода съ греческаго.
Невѣрно и то извѣстіе записки, что будто бы благодаря
именно разъясненіямъ Епифанія, Никонъ пришелъ къ мысли
исправлять наши богослужебныя книги съ греческихъ; къ
этой мысли пришли въ Москвѣ, какъ мы знаемъ, ранѣе
прібытія Епифанія. Но не считая Епифанія инициаторомъ въ
книжныхъ Никоновскихъ исправленіяхъ, не приписывая ему
на Никона того вліянія, какое усвоетъ ему указанная за-
писка, нельзя однако не признать того, что Епифаній, съ
которымъ хорошо былъ знакомъ Никонъ, равно какъ и дру-
гіе ученые кіевляне, могли имѣть значительное вліяніе на
окончательную рѣшимость Никона начать церковную реформу
въ извѣстномъ направленіи, что они своими знаніями и
разъясненіями могли сообщить Никонову большую увѣренность
въ правотѣ и полезности дѣла реформы, могли воодушевлять
его указаніемъ на примѣръ южной Руси, совершившей у
себя, при Петрѣ Могилѣ, ту же церковную реформу. Мы уже
не говоримъ о томъ, что въ дѣлѣ самыхъ книжныхъ исправ-

¹⁾ Опис. рукоп. Ундальскаго № 1291. Словарь писателей духовн. чина
ч. 1, стр. 178—183

лений, кievляне, благодаря своимъ знанiямъ и научному образованiю, были самыми компетентными и полезными совѣтниками и пособниками Никона, который, безъ образованныхъ и свѣдущихъ людей, хорошо знающихъ греческiй и славянскiй языки, не могъ бы произвести и самой реформы, такъ какъ Никонъ не зналъ греческаго языка и самъ лично не могъ руководить всѣми частностями и подробностями книжныхъ исправлений.

Такимъ образомъ подъ влiянiемъ царя и Стефана Вонифатьевича, и, затѣмъ, подъ влiянiемъ iерусалимскаго патрiарха Паисiя, назаретскаго митрополита Гаврiила, митрополита Навпакта и Арты Гаврiила Власiя, и подъ влiянiемъ выѣзжихъ въ Москву ученыхъ кievлянъ, Никонъ окончательно измѣнилъ свои старыя воззрѣнiя на грековъ и греческое благочестiе, сдѣлался поклонникомъ и великимъ любителемъ всего греческаго, готовый, со свойственною ему энергiей, страстностию и увлеченiемъ, проводить свои новыя воззрѣнiя въ жизнь. Значить, Никонъ теперь созрѣлъ въ извѣстномъ отношенiи настолько, что царь и Стефанъ Вонифатьевичъ смѣло могли предоставить ему, по смерти Юсифа, патрiаршую кафедру, въ полной увѣренности, что онъ поведетъ дѣло церковной реформы въ томъ именно духѣ и направленiи, какъ это было намѣчено ими ранѣе.

Къ московскому кружку ревнителей благочестiя принадлежалъ еще очень видный и дѣятельный его членъ—любимецъ и довѣренное лицо царя, другъ и собесѣдникъ Стефана Вонифатьевича, постельничiй и бояринъ Феодоръ Михайловичъ Ртищевъ. Всецѣло преданный интересамъ церкви, лично глубоко благочестивый, добрый и щедро благотворительный, радѣтель о всѣхъ бѣдныхъ, больныхъ, старыхъ и несчастныхъ, любитель всякаго книжнаго чтенiя и почитатель людей ученыхъ образованныхъ, Феодоръ Михайловичъ имѣлъ замѣтное влiянiе на дѣятельность и все направленiе кружка московскихъ ревнителей. Ему и Стефану Вонифатьевичу всѣ дошедшiя до насъ свидѣтельства согласно приписываютъ иниціативу введенiя въ московскихъ церквахъ единогласiя; Стефанъ по совѣту съ Ртищевымъ вызываетъ въ Москву Неронова, и дѣлаетъ его, какъ выдающагося народнаго проповѣдника, протопопомъ Казанскаго собора; Стефанъ совѣтуется съ нимъ и по поводу другихъ церковныхъ

дѣль. Особенно замѣтную роль сыгралъ Ртищевъ въ дѣль насажденія въ Москвѣ кievской учености и кievскаго вліянія вообще. Онъ, говоритъ его житіе, имѣлъ особую любовь къ Кіеву Печерской лаврѣ, которой давалъ „милостыню немало“, а это повело его къ знакомству и сближенію съ кievскими монахами, между которыми находилось немало лицъ, обучавшихся въ Кіевской академіи. Еще въ 1640 году Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, чрезъ своего посланнаго, предлагалъ устроить въ Москвѣ монастырь, населить его учеными кievскими монахами и съ ихъ помощію открыть при монастырѣ школу. Это предложеніе Могилы, чрезъ нѣсколько лѣтъ, было осуществлено Ртищевымъ, который построилъ близъ Москвы извѣстный Андреевскій монастырь, куда изъ Кіевской лавры и другихъ южно-русскихъ монастырей переселилъ до тридцати иноковъ „въ житіи, и въ чинѣ, и во чтеніи, и пѣніи, церковномъ и келейномъ правилѣ изрядныхъ“. Конечно при его дѣятельномъ участіи были приглашены въ Москву, въ 1649 году, извѣстные ученые кievляне: Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ, Птицкій и Епифаній Славинецкій. Въ 1652 году, по порученію Ртищева, съ разрѣшенія государя, путиловскій соборный попъ Иванъ привезъ въ Москву изъ Кіева Братскаго монастыря архидіакона Михаила, „да съ нимъ спѣвакъ: Ѳедора Тернопольскаго съ товарищи—одинадцать человекъ“. Это кievскіе пѣвчіе, приглашенные въ Москву только на время, „пошли въ Андреевскій монастырь на житье“, а двумъ пѣвчимъ: Ивану Бережанскому и Михаилу Быковскому, какъ они сами заявляютъ въ челобитной царю, „по твоему государеву указу велѣно писати твое государево дѣло: книгу Камень“ и состоятъ при Посольскомъ приказѣ. Съ своей стороны и архидіаконъ Михайло, по его собственному заявленію, занимался въ Москвѣ переводомъ книги учителя Августина, „которую, говоритъ онъ, велѣлъ мнѣ переводить дякъ думный представившійся Михайло Юрьевичъ“, и которую архидіаконъ дѣйствительно успѣлъ перевести въ Москвѣ до своего возвращенія въ Кіевъ ¹⁾. Такъ энергично дѣйствовалъ Ѳедоръ Михайловичъ въ видахъ привлеченія въ Москву ученыхъ,

¹⁾ Малороссійскія дѣла (въ моск арх мин. ин. дѣль), связка 4, 1650 г. № 8, связка 5, 1652 г. № 15

образованныхъ кіевлянъ, которые исполняютъ у насъ самыя разнообразныя порученія правительственныхъ лицъ: занимаются книжною справою, книжными переводами, служатъ посольскому приказу, обучаютъ московскихъ пѣвчихъ кіевскимъ церковнымъ напѣвамъ, которые начинаютъ получать у насъ съ этого времени значительное распространіе. Понятно само собою, что вмѣстѣ съ кіевлянами въ Москву усиленно переправляются и разныя южно-русскія книжныя изданія, которыя находятъ на московскомъ рынкѣ хорошій пріемъ и все болѣе широкую распространенность, благодаря чему ученое кіевское вліяніе прочно и надолго укрѣпляется въ Московской Руси. И если царь Алексѣй Михайловичъ стремился обучать своихъ пѣвчихъ греческимъ напѣвамъ, любилъ слушать греческое пѣніе и чтеніе въ церкви, старался имѣть въ Москвѣ греческихъ ученыхъ и греческую школу; то Ртищевъ можетъ быть названъ главнымъ и дѣятельнѣйшимъ въ Москвѣ сторонникомъ кіевлянъ и кіевской учености, энергичнымъ проводникомъ у насъ кіевского вліянія. Такъ именно на него и смотрѣли въ Москвѣ. Дьячекъ Костка Ивановъ показывалъ на допросѣ: „говорили-де ему, Косткѣ, Лучка и Ивашко: извѣсти-де протопопу, что-де онъ, Лучка, у кіевскихъ чернецовъ учиться нехочетъ, старцы-де недобрые, онъ-де въ нихъ добра не позналъ, и добраго ученья у нихъ нѣтъ; нынѣ-де онъ манитъ Ѳеодору Ртищеву, боясь его, а впредь-де учиться никакъ не хочу. Поѣхалъ-де учиться (въ Кіевъ) Порфирко Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ, а грамоту-де проѣзжую Ѳеодоръ (Ртищевъ) промыслилъ доучиваться у старцевъ у кіевлянъ по латыни“. Значитъ Ртищевъ не только переселялъ въ Москву ученыхъ Кіевлянъ, но и москвичей поощрялъ учиться у нихъ, а успѣвающихъ въ ученіи посылалъ въ Кіевъ для завершения тамъ образованія, причемъ нѣкоторые изъ москвичей стали учиться у кіевлянъ только „маня“ Ѳеодору Ртищеву, т. е. чтобы только угодить и понравиться ему, вовсе серьезно не думая объ обученіи ¹⁾).

Покровительствуя образованнымъ кіевлянамъ, поощряя москвичей обучаться у нихъ наукамъ, Ртищевъ, въ то же время вполне раздѣлялъ и грекофильскія стремленія царя, такъ какъ недаромъ, конечно, въ Москвѣ нѣкоторые „межъ

¹⁾ Наша книга: патр. Никонъ, стр. 139—141, примѣчаніе.

себя шептали: учится-де у кievлянъ Ѳеодоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той-де грамотѣ и еретичество есть“. Извѣстный цареградскій архимандритъ, учитель, Венедиктъ ¹⁾, во время своего пребыванія въ Москвѣ, въ письмѣ къ боярину Борису Ивановичу Морозову, между прочимъ пишетъ: „понеже чрезъ сына моего о Дусѣ святѣ, любимаго и мудрѣйшаго государя Ѳеодора Михайловича мнѣ велѣлъ еси“. Очевидно кромѣ кievлянъ Ртищевъ знакомился и близко сходился и съ прїѣзжавшими въ Москву образованными греками, такъ что грекъ, учитель Венедиктъ, называетъ его своимъ сыномъ, любимымъ и мудрѣйшимъ. Но и этаго мало Ртищевъ привѣчалъ у себя не только кievлянъ и грековъ, но и тѣхъ изъ русскихъ, которые выдавались изъ ряда другихъ своею жизнію, публичною дѣятельностію, дарованіями, начитанностію, такъ что его домъ служилъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ вообще выдающихся дѣятелей, причемъ между представителями разныхъ взглядовъ и направленій собиравшимися въ его домѣ, происходили иногда горячія и шумныя пренія. Такъ Нероновъ былъ близко знакомъ съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ и впоследствии (послѣ смерти протопопа Стефана), во время своихъ прїѣздовъ въ Москву, даже останавливался въ его домѣ. Протопопъ Аввакумъ, возвратившись изъ Даурь, по его словамъ, „къ Ѳеодору Ртищеву зашелъ“ и выражается о немъ: „дружище наше старое Ѳеодоръ Ртищевъ“, причемъ замѣчаетъ, что въ домѣ Ртищева онъ, протопопъ, „съ еретиками бранился и шумѣлъ о вѣрѣ и законѣ“ ²⁾. Кievлянинъ, пѣвчій Василій, заявлялъ, что его призывали къ себѣ въ домъ Ртищевы, гдѣ въ то время были еще Иванъ Озеровъ и старецъ Симеонъ (Полоцкій) „и клали предъ нимъ многіе книги, и онъ-де ихъ переспоривалъ“ ³⁾. Разъ Нероновъ, уже примирившійся съ Никономъ и признавшій его книжныя исправленія, въ бесѣдѣ съ Ртищевымъ высказалъ однако мнѣніе, что новоисправленные служебники слѣдуетъ сжечь. Между тѣмъ кто-то донесъ Никону, что будто бы Нероновъ сжегъ новоисправленные слу-

1) Подробности объ архимандритѣ и учителѣ грекъ Венедиктѣ см. въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стр. 240—241, 284—286.

2) Матер. для ист. раск. т. I, 286—287; т. V, 59, 65, 66, 98—99

3) Гибб. II, 978—979

жебники и Никонъ, на основаніи этаго доноса, велѣлъ привести къ себѣ Неронова, предварительно арестовавъ его близкихъ. Нероновъ, рассказываетъ записка о его жизни „увидѣвъ сичевое, пришедь ко окольникему, къ Ѳедору Михайловичу Ртищеву, свирѣпо къ нему рекъ: Іудо, предавай! съ тобою у меня была рѣчь, а не дѣло. И окольникей нача плакати, глаголя: Старець Григорій (Нероновъ), непопусти Боже, что мнѣ на тебя клеветнику быти; потерпи Бога ради со мною въ дому; азъ съ тобою къ патріарху иду, и страдати готовъ“; и дѣйствительно отправился къ патріарху и дѣло кончилось ничѣмъ ¹⁾. Такимъ образомъ Ртищевъ ограждалъ отъ отвѣтственности тѣхъ лицъ, которые въ его домѣ позволяли себѣ высказываться совершенно свободно и, благодаря этому обстоятельству, его домъ дѣйствительно былъ сборнымъ пунктомъ для представителей всѣхъ направленій, гдѣ каждый свободно высказывалъ свои мнѣнія, гдѣ велись горячіе споры по разнымъ вопросамъ, волновавшимъ тогдашнее общество, причемъ самъ Ртищевъ относился къ разнымъ мнѣніямъ и направленіямъ вполне терпимо. Это были, очевидно, очень любопытныя и характерныя собранія.

Вполнѣ естественно было, что царь Алексѣй Михайловичъ хорошо былъ ознакомленъ Ртищевымъ съ тѣми преніями, какія происходили въ его домѣ, съ тѣми лицами, которыя вели пренія, почему царю хорошо были извѣстны всѣ, какъ южно-руссъ, такъ и москвичи, выдававшіеся или своею образованностію, или начитанностію и своею природною даровитостію, стремленіемъ къ общественной дѣятельности, искусствомъ и находчивостію въ прененіяхъ, своимъ вліяніемъ на окружающихъ; царь зналъ, кто что защищаетъ, кто противъ чего борется, кто стоитъ за новое, кто за старое и т. под. Очевидно Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ былъ, такъ сказать, связующимъ звеномъ, посредникомъ между царемъ и тогдашнимъ передовымъ, болѣе образованнымъ и развитымъ московскимъ обществомъ: благодаря Ртищеву царь былъ въ курсѣ тогдашней передовой умственной московской жизни, самъ всецѣло примыкалъ къ ней, зналъ, не только всѣ ея направленія и оттѣнки, но и ея представителей.

Вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ Ртищевымъ дѣй-

¹⁾ Мат. I, 160.

ствовала и сестра его—Анна Михайловна. По словамъ „Житія“ Ртищева ¹⁾. Ѳеодоръ Михайловичъ свою сестру „аки мать почиташе“ и что она „бѣше ему во всякомъ благотвореніи споспѣшница“. По словамъ житія Морозовой Ѳеодоръ Михайловичъ и сестра его Анна (въ житіи ошибочно названная его дочерью), какъ родственники „и яко возлюбленніи Никону и его новопреданія сосуди“, не разъ прїѣзжали уговаривать Морозову соединиться съ церковію, причемъ будто бы говорили; „великъ и премудръ учитель Никонъ патріархъ, яко не туне и самъ царь его послушаетъ, и вѣра, отъ него преданная, зѣло стройна и добра, и красно по новымъ книгамъ служити“. И одна Анна Михайловна не разъ прїѣзжала къ Морозовой уговаривать ее признать церковныя исправленія Никона. „Съѣли тебя, говорила она Морозовой, старицы бѣлевки, проглотили твою душу,—аки птенца отлучили тебя отъ насъ“ ²⁾. Въ виду преданности Анны Ртищевой церковной реформѣ Никона, въ виду той дѣятельной роли, какую она, и чрезъ брата и лично, играла въ дѣлѣ ея распространенія въ высшемъ московскомъ обществѣ, объ ней тенденціозно—насмѣшливо отзываются первые борцы за русскую церковную старину. Такъ прот. Аввакумъ, завѣряя, что Никонъ развратилъ царя, замѣчаетъ: „я вѣдь тогда тутъ былъ, все вѣдаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволомъ“ Разказывая о призваніи Никона на патріаршество, Аввакумъ замѣчаетъ: „царь его на патріаршество зоветъ, а онъ бытто нехочетъ; мрачилъ царя и людей, а со Анною по ночамъ укладываютъ, какъ чему быть“. Еще въ одномъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „а о Павлѣ Крутицкомъ мерзко и говорить... Анны Михайловны любимый владыка, подпазушной песь борзой“. Дьяконъ Ѳеодоръ объ Аннѣ Михайловнѣ насмѣшливо выражается: „Анна, Никонова манна“ ³⁾. Очевидно Анна Михайловна Ртищева была горячей, убѣжденной и энергичной сторонницей грекофильской тогдашней партіи, и очевидно она играла настолькоъ замѣтную и для другихъ роль въ тогдашней церковной реформѣ, такъ близко стояла къ ея главнымъ дѣятелямъ, что вызвала противъ себя ненависть и инсинуаціи со стороны приверженцевъ церковной старины.

1) Житіе Ртищева напечатано въ XVIII томѣ Древн. Вѣствованики.

2) Мат. VIII, 149—151

3) Мат. VIII, 29, 38; XI, 224 А К Бороздина Прот. Аввакумъ, стр. 225

Мы должны еще упомянуть воспитателя царя, боярина Бориса Ивановича Морозова, который былъ тоже сторонникомъ новыхъ московскихъ церковныхъ вѣяній и если, по своему положенію въ государствѣ, не имѣлъ возможности принимать непосредственное дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ, то несомнѣнно вполне сочувствовалъ дѣятельности и направленію московскаго кружка ревнителей, поддерживалъ и одобрялъ царя въ его стремленіи произвести церковную реформу въ смыслѣ полного единенія русской церкви съ греческою, и привлеченія для этой цѣли въ Москву ученыхъ грековъ и кіевлянъ. Недаромъ, конечно, въ Москвѣ тихонько между собою говорили: „Борисъ-де Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а кіевлянъ-де началъ жаловать, а то-де знатно дѣло, что туда уклонился къ таковымъ же ересямъ“. Константинопольскій архимандритъ, учитель Венедиктъ, писалъ, будучи въ Москвѣ, Борису Ивановичу; „преславнѣйшій и честнѣйшій, всякія чести и достоинства достойный, государю Борису Ивановичъ, — бью челомъ и поклоняюся азъ богомолецъ твой грѣшный, архимандритъ Венедиктъ цареградскій. Понеже чрезъ сына моего о Дусъ святѣ, любимаго и мудрѣйшаго государя Феодора Михайловича, мнѣ велѣлъ еси, богомольцу своему, да ти изъясляю о седми оныхъ фіалехъ, о нихъ же Іоанъ Θεологъ и Евангелистъ пишетъ во Апокалипсисѣ въ 15 главѣ дажъ до 17,—да увѣсть паки твоя мудрость сіе вкратцѣ, понеже време не имамъ, да ти пишу во мнозѣ, якожъ и подобаетъ, понеже въ Посольскомъ приказѣ мнѣ велятъ по праздницѣ ѣхать. Понеже фіалы суть единъ сосудъ, яко братина; но яко суть братинки иная малыя, а иныя великія, и вся единымъ зовутъ именемъ; сие и фіалы: иныя суть во образѣ малы, а иныя великіи“ и т. д. ¹⁾ Изъ этаго письма Венедикта видно, что Борисъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ другими, интересовался религіозными вопросами, обращался, чрезъ посредство Ртищева, за разрѣшеніемъ ихъ къ пріѣзжавшимъ въ Москву ученымъ грекамъ, какъ болѣе компетентнымъ въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ, чѣмъ доморожденные московскіе грамотѣи.

1) Рук. сборн. имп. публ. библ. по каталогу Богданова, вып. I, № 86; л. л. 207—210

Изъ всего сказаннаго нами объ извѣстныхъ намъ представителяхъ кружка ревнителей благочестія, нетрудно видѣть, что въ составъ кружка вошли люди очень различнаго общественнаго положенія и происхожденія: въ немъ мы видимъ самаго царя, боярина Ртищева, Никона, сначала архимандрита, а потомъ митрополита, царскаго духовника—благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьевича, нѣсколько столичныхъ и провинціальныхъ протопоповъ и священниковъ, и даже женьщину: Анну Михайловну Ртищеву. Рядомъ съ царемъ и бояриномъ другіе ревнители были очень невиднаго происхожденія: это или поповичи, или дѣти крестьянъ, начавшіе свою общественную карьеру съ обученія грамотѣ у какаго либо захолустнаго мастера, и потомъ перешедшіе на клиросъ или своей родной деревенской церкви или ближайшаго монастыря, и постепенно прошедшіе всѣ церковныя степени, начиная съ причетника. Нетрудно видѣть, что члены кружка ревнителей благочестія были люди для тогдашняго времени относительно образованные, отличавшіеся большою начитанностію, правда очень одностороннею и узкою, но всетаки рѣзко выдѣлявшею ихъ изъ среды безграмотной массы, дѣлавшею ихъ людьми сравнительно свѣдущими, знающими, почему Нероновъ и оттестуетъ ихъ „добрѣ вѣдущими законъ и пророки“. Всѣ члены кружка были люди глубоко благочестивые, набожные, очень воздержные въ своей частной жизни и нравственные, всецѣло преданные церкви и ея интересамъ, постоянно ревновавшіе не только о своемъ личномъ спасеніи, но и о спасеніи другихъ, и потому люди очень учительные, всегда готовые поучать, наставлять, обличать. Всѣ они дѣйствовали на религіозно-церковной основѣ, на почвѣ и въ духѣ тогдашняго церковнаго благочестія. одинаково и ревностно стремились къ улучшенію церковной и всей вообще религіозно-нравственной жизни общества, и свои общественно церковные идеалы стремились провести въ жизнь подъ флагомъ строгаго православія, истинной неповрежденной церковности. Посуществу всѣ они были людьми съ реформаторскими болѣе или менѣе стремленіями, такъ какъ они ясно сознавали недостатки церковной и всей вообще религіозно-нравственной жизни тогдашняго общества, считали себя призванными бороться съ этими недостатками, перевоспитать и улучшить все общество своею дѣятельно-

стію. Но, при извѣстной одинаковости и общности стремленій всѣхъ реформаторовъ, при общности и одинаковости ихъ исходной точки и цѣли, сами реформаторы значительно расходились однако между собою въ пониманіи того, какимъ путемъ, съ помощію какихъ средствъ и въ какихъ границахъ нужно вести общество по пути усовершенствованія. Если, напримѣръ, Нероновъ и Аввакумъ были, относительно значительной массы духовенства, либералами, новаторами и чуть не еретиками, такъ какъ они строго держались единогласія, чинности и истовости въ отправленіи церковныхъ службъ и были учительны; то они же, съ другой стороны, были завзятыми консерваторами по отношенію къ Никоновской реформѣ, которая въ ихъ глазахъ была отрицаніемъ древняго благочестія, самаго православія, прямо злою ересью. Съ своей стороны самъ Никонъ, такъ горячо ратовавшій въ пользу тѣснаго единенія до послѣднихъ обрядовыхъ мелочей русской церкви съ греческою, дружившій съ учеными греками и кіевлянами, пользовавшійся въ своихъ цѣляхъ ихъ знаніями и ученостію; въ тоже время крайне нетерпимо относился ко всякому заимствованію съ запада, къ западной наукѣ и образованности, видѣлъ въ этомъ угрозу православію, чуть не ересь, которую нужно всячески преслѣдовать. Если царь, Ртищевъ, Стефанъ готовы были устроить въ Москвѣ, съ помощію грековъ и кіевлянъ, настоящую школу, и съ помощію ея насаждать у насъ науку и образованность: то провинціальныя ревнители кружка относились къ греческимъ и кіевскимъ ученымъ и къ самой ихъ наукѣ прямо отрицательно, видѣли въ наукѣ и учености только одно зловерное киченіе человѣческаго ума, угрозу православію. Словомъ, члены кружка ревнителей, при одинаковости основъ своего міросозерцанія и пониманія окружающихъ ихъ явленій общественной жизни, при одинаковости ихъ воззрѣній на задачи и цѣли своей общественной дѣятельности, въ тоже время имѣли очень важныя и существенныя различія во взглядахъ на самый характеръ и причины существующихъ церковныхъ и другихъ нестроеній, на тѣ способы и средства, съ помощію которыхъ онѣ должны быть устранены и замѣнены лучшими порядками; почему одни изъ нихъ задачи реформы и улучшеній понимали болѣе широко, другіе болѣе узко, одни думали достигнуть предположенной цѣли однимъ

средствами, другіе считали эти средства недостаточными и находили нужнымъ прибѣгнуть къ другимъ, — единства во взглядахъ на характеръ предстоящей реформы и на средства ея проведенія у нихъ не было. Неудивительно поэтому, что члены кружка ревнителей благочестія, одинаково стремившіеся улучшить, реформировать жизнь русскаго общества, пошли къ этой цѣли разными путями, потянули русское общество въ разныя стороны, а въ концѣ концовъ враждебно столкнулись между собою и вступили другъ съ другомъ въ открытую ожесточенную борьбу, причемъ та и другая сторона, увлекаясь борьбою, впала въ односторонность, въ полное отрицаніе дѣятельности и всякой правоты своихъ противниковъ. Впрочемъ въ началѣ, когда кружку еще приходилось завоевывать, такъ сказать, самое существованіе, создавать и укрѣплять свое право на руководящую роль въ общей церковной жизни, бороться съ своими противниками и среди высшей церковной іерархіи и среди низшаго духовенства, кружокъ дѣйствовалъ единодушно и дружно.

Н. Кантеревъ.
